Споры при ДТП между участниками

45 вопросов и ответов · протокол дела из 10 встреч с разбором

Вероника Гусева

медиатор · юрист · бывший следователь МВД

guseva-mediator.spru.site · +7 (903) 124-88-22

Ноябрь 2026

Как пользоваться

Методичка построена как рабочий справочник медиатора. Три части: **вопросы и ответы** (45 пар) — то, что клиент и вторая сторона спрашивают чаще всего; **протокол дела** — 10 встреч с дословными репликами медиатора и разбором каждого шага; **разбор** — почему дело пошло так, а не иначе, и что делать в похожей ситуации.

Три правила, которые действуют в любой нише

- Медиатор не решает спор, не оценивает, кто прав, и не даёт юридическое заключение. Его работа — чтобы стороны услышали друг друга и увидели свои интересы.
- Медиация не отменяет сроков. Исковая давность не прерывается, кроме случая соглашения, заключённого в суде. Это правило действует во всех нишах без исключения.
- Вопрос «договоримся или нет» — не про удачу и не про характер медиатора. Соглашение возможно там, где стороны готовы к уступке. Там, где уступки нет, честный исход — процедура без соглашения.

Содержание вопросов

Сразу после ДТП я стою на месте, что делать в первые пять минут?

Когда можно вообще не вызывать ГИБДД и обойтись европротоколом?

Один из водителей уехал с места ДТП. Что делать второму?

В ДТП нет пострадавших, но есть спор о том, кто первым затормозил. Это вообще имеет значение?

На месте ДТП приехали мои родственники и начали ругаться с виновником. Как остановить?

Нужно ли вызывать скорую, если никто не жалуется?

Кто считается виноватым в ДТП по закону — тот, кто нарушил правила, или тот, кто был неправ?

Виновник говорит: у него было преимущество, поэтому виноват я. Это аргумент?

Что такое неуставная дорожно-транспортная ситуация и почему из-за неё спорят?

Водитель был пьяный за рулём. Что это меняет?

Водитель уехал с места ДТП. Это отдельная история — как её учесть в переговорах?

Один водитель говорит, что был на светофоре, а другой утверждает, что стоял. Как это вообще понять?

Какие документы нужно собрать, чтобы вести переговоры по ДТП?

Заключение СКТЭ: что в нём есть, а чего нет?

Мне предлагают сделать «экспертизу за мой счёт» у независимого оценщика. Нужно ли?

Кто может инициировать экспертизу и как ходатайствовать об её назначении?

Чем доказывается вина, если никто не признался?

Показания свидетеля — насколько им можно верить?

Какие статьи ГК РФ регулируют возмещение вреда от ДТП?

Страховая заплатила меньше, чем стоит ремонт. Кто должен доплачивать?

Что такое утрата товарной стоимости (УТС) и кто её считает?

У виновника нет ОСАГО. Что тогда?

Виновник застрахован, но это его регресс. Что это значит для пострадавшего?

Страховая отказала в выплате. Какие у меня есть варианты?

В какой срок надо обратиться в страховую компанию?

Сколько страховая платит и за какое время?

Можно ли договориться с виновником напрямую и не идти в страховую?

Виновник хочет рассчитаться частями. На каких условиях соглашаться?

Как правильно оформить расписку о возмещении вреда?

Когда медиация в ДТП вообще имеет смысл?

Когда медиация бессмысленна и я должна отказаться?

Виновник не признаёт вину. Что вообще можно согласовать?

Как медиатор помогает, когда вина не признаётся?

Что делать, если сумма, которую требует пострадавший, кажется неадекватной?

Соглашение достигнуто. Что должно быть в нём, чтобы оно было исполнимым?

ДТП на парковке: покроет ли это ОСАГО?

В ДТП попал велосипедист. Что особенного?

В ДТП участвовал пешеход. Что с этим?

В ДТП пострадало животное. Кто отвечает?

ДТП случилось на каршеринговом автомобиле. Кто платит?

Автомобиль с иностранными номерами. Что делать пострадавшему?

За рулём сидел человек без прав, или машина была не his. Кто отвечает?

Кто-то намеренно повредил мою машину — это ведь не ДТП?

За рулём сидел человек, не вписанный в мой полис ОСАГО. Кто мне заплатит?

В ДТП пострадал пассажир в такси — с кого спрашивать?

Часть I. Вопросы и ответы (45)

Что делать сразу после ДТП 6 вопросов

Сразу после ДТП я стою на месте, что делать в первые пять минут?

Не перемещайте автомобили и не переставляйте осколки и разметку: это первый вопрос, на который потом ответит ни один свидетель. Включите аварийную сигнализацию, выставьте знак аварийной остановки и вызовите ГИБДД по единому номеру 112. Снимите общий план: обе машины, их положение относительно разметки, знаков, светофора, тормозные следы, осколки — с привязкой к дорожным объектам, чтобы потом можно было показать схему. Отдельно снимите показания приборов: одометр, бортовой компьютер, подушки безопасности, повреждения. До приезда инспектора заполните европейский протокол, если условия для этого соблюдены. Практика медиатора: первые снимки — главный доказательственный ресурс, а снимок, сделанный «на память», не работает; в соглашении потом не придётся спорить о том, где стоял автомобиль.

Когда можно вообще не вызывать ГИБДД и обойтись европротоколом?

Европротокол применяется, если участников не более двух, оба имеют действующее ОСАГО, нет пострадавших, в том числе несовершеннолетних, нет споров о вине и о размере вреда, оба водителя согласны квалифицировать произошедшее в письменной форме. Практика: несовершеннолетний ребёнок в салоне, даже не пострадавший, делает европротокол неприменимым. Если участников трое или водитель не признаёт вину — европротокол не подписывается и оформляется протокол ГИБДД. В этом случае медиатору не стоит предлагать соглашение о возмещении до того, как у сторон есть копия протокола и схема: без них любые договорённости повисают в воздухе.

Один из водителей уехал с места ДТП. Что делать второму?

Зафиксируйте обстоятельства: время, место, номер и марку уехавшего автомобиля, направление движения, повреждения, запись регистратора и видеонаблюдения, сведения о свидетелях. Вызовите ГИБДД и оставьте машину на месте до приезда инспектора. Оставление места ДТП — административное правонарушение, и его установление для потерпевшего важно: оно влияет на позицию водителя и на переговоры. Не догоняйте сами и не выезжайте на встречную полосу: если виновник скрылся, ваша безопасность важнее любой фиксации. Медиатору: с фактом скрытия работать нельзя — договариваться о возмещении можно только с тем, кто признал участие в ДТП и свою вину.

В ДТП нет пострадавших, но есть спор о том, кто первым затормозил. Это вообще имеет значение?

Имеет, и это ключевой спор большинства «непонятных» ДТП: именно в зоне конфликта решается, чья скорость и чья реакция привели к удару. Для медиации важно, что ни один участник не обязан признавать вину: можно договариваться о сумме, если вина признана добровольно, но можно и не договариваться о признании, а урегулировать только имущественную часть. Практика: разведите две таблицы — факты (что видно на фото, в протоколе, в заключении эксперта) и оценки (как каждый считает, что было). Спор о вине чаще всего стоит дороже самого ущерба.

На месте ДТП приехали мои родственники и начали ругаться с виновником. Как остановить?

Попросите всех отойти от автомобилей и разойтись: ругань на месте почти всегда портит переговоры сильнее самого ДТП. Родственников пострадавшего отправьте дожидаться в машине — их версия будет восприниматься противной стороной как давление. Разговаривайте только с тем, кто непосредственно управлял транспортом и кто будет подписывать соглашение. Медиатор: если клиент пришёл с уже испорченными отношениями, первая встреча почти всегда начинается не с денег, а с восстановления рабочего контакта.

Нужно ли вызывать скорую, если никто не жалуется?

Если есть хоть малейшее подозрение на травму, скорую вызывают обязательно, и до её приезда пострадавшего не перемещают и не дают пить и есть. Это касается и детей в салоне, и пожилых пассажиров: внутренние повреждения бывают без внешних признаков. Сообщение о вызове фиксируется в материалах ДТП. Медиатору: если в ДТП пострадал человек, спор о вине и о деньгах резко меняет природу: там речь идёт о здоровье, и денежное урегулирование почти невозможно. Такие дела — зона ответственности юриста, медиатор работает только с разделением интересов и поддержкой переговоров о мире и неотвратимых последствиях.

Вина и обстоятельства 6 вопросов

Кто считается виноватым в ДТП по закону — тот, кто нарушил правила, или тот, кто был неправ?

Юридически виновным в причинении вреда признаётся лицо, которое своими действиями создало опасность и не предотвратило вред, при наличии вины, в том числе неосторожной. Практика: «виноват тот, кто был не прав» — это разговорная формула, а правило приоритета дорожно-транспортной ситуации не отменяет ни разбора обстоятельств, ни учёта преимущества, ни оценки того, предотвратил ли второй участник столкновение. В медиации формулировка «он был не прав» почти всегда переводит разговор в плоскость «ты виноват, потому что ты нарушил», а не в плоскость «что нам обоим нужно, чтобы закрыть вопрос». Нормам ПДД и правилам разбора отдавайте предпочтение общему описанию обстоятельств.

Виновник говорит: у него было преимущество, поэтому виноват я. Это аргумент?

Преимущество — одно из обстоятельств, которое может переводить ответственность на другого участника, но не освобождает от оценки того, выполнил ли каждый свои обязанности и мог ли второй предотвратить столкновение. Медиатору: почти всегда выясняется, что «не справился с управлением из-за преимущества» — это описание следствий, а не причина. Разберите цепочку: что каждый видел, когда, как быстро среагировал и что именно он делал в момент удара. Разведение «факт — оценка» здесь полезнее любых ссылок на нормы.

Что такое неуставная дорожно-транспортная ситуация и почему из-за неё спорят?

Это ситуация, при которой участники движения по-разному понимают приоритет и при этом одновременно предпринимают действия, каждое из которых в обычных условиях было бы правомерным: выезд с перекрёстка, где обе машины считают встречными, перестроение, когда полоса считается свободной. Практика медиатора: в таких делах обе стороны часто искренне уверены в своей правоте, и это ключ к разговору. Скажите каждой: «Вы не нарушили правило сознательно — Вы действовали в рамках того, что видели». После этого разговор обычно переходит в плоскость совместной ответственности за последствия, и сумма согласуется быстрее.

Водитель был пьяный за рулём. Что это меняет?

Это меняет две вещи. Первое: возможен отказ страховщика в выплате потерпевшему — основания отказа перечислены в ст. 16 ФЗ «Об ОСАГО», и управление в состоянии опьянения среди них; тогда потерпевший взыскивает вред напрямую с причинителя по ст. 1064, 1069 и 1079 ГК РФ. Второе: у водителя появляется самостоятельный административный и, возможно, уголовный риск, и мотивация признать вину для договора резко меняется. Медиатор не оценивает состояние водителя и не квалифицирует нарушение — это работа юриста и правоохранительных органов. Ваша задача — понять, сможет ли этот человек вообще платить, и встроить в соглашение то, что удержит его от нарушения договорённостей.

Водитель уехал с места ДТП. Это отдельная история — как её учесть в переговорах?

Оставление места ДТП само по себе образует административный состав, предусмотренный ст. 12.27 КоАП РФ, и на гражданско-правовую ответственность за причинённый вред это не влияет: возмещение вред имуществу и здоровью нужно взыскивать независимо от того, оформлен ли административный материал. Практика медиатора: если участник скрылся, у вас нет второй стороны для переговоров — mediated-работа невозможна, а доверие к идее «договориться» подрывается. Что делать: собрать доказательную базу (записи камер, регистратор, свидетели, обращение в ГИБДД по номеру) и работать с потерпевшим по алгоритму подготовки досудебной претензии или иска. Направление действий — к юристу.

Один водитель говорит, что был на светофоре, а другой утверждает, что стоял. Как это вообще понять?

Напрямую — почти никак: это классическая неуставная ситуация с двумя несовместимыми версиями. Разрешается она доказательствами: записью камер, регистратором, данными ГИБДД, заключением эксперта о тормозном пути и следах торможения, показаниями свидетелей, поведением участников сразу после удара. Медиатору: если доказательств нет, спор о вине не закрывается в принципе, и это само по себе повод перевести разговор с «кто виноват» на «сколько и как». Отдельно предупредите клиента: версия, противоречащая собственным показаниям в протоколе, в суде разрушает доверие ко всей позиции.

Документы и доказательства 6 вопросов

Какие документы нужно собрать, чтобы вести переговоры по ДТП?

Базовый пакет: копия протокола ГИБДД со схемой и приложениями, документы обоих водителей и транспортных средств, полисы ОСАГО, заключение экспертизы (СКТЭ) или отказ в её назначении, материалы фото- и видеофиксации, квитанции о ремонте и экспертизе, справки из сервиса, чеки на эвакуатор и аренду подменного авто. Медиатор: запрашивайте документы до первой совместной встречи, иначе встреча превращается в переписку. Отдельно составьте реестр: что есть, что отсутствует, кто и когда предоставит, — и включите это в соглашение, если от этого зависит исполнимость.

Заключение СКТЭ: что в нём есть, а чего нет?

Эксперт устанавливает механизм столкновения, перечень повреждений, стоимость восстановительного ремонта и, как правило, причинную связь между повреждениями и ДТП. Вину участников эксперт, как правило, не устанавливает — это компетенция сотрудников ГИБДД и суда. Отсюда практический вывод для медиатора: заключение почти никогда не является ответом на вопрос «кто виноват», зато оно точно даёт цифру ущерба, с которой нужно работать. Читайте заключение целиком, включая перечень повреждений и расчёт износа: расхождения между двумя расчётами — обычное дело.

Мне предлагают сделать «экспертизу за мой счёт» у независимого оценщика. Нужно ли?

Чаще всего да, если вы планируете реальное урегулирование или суд: независимое заключение даёт второе мнение по стоимости ремонта и УТС и снимает спор о сумме, не дожидаясь выплаты страховой. Но сначала проверьте, не будет ли у вас дублирующих расходов: если пострадавший уже получил выплату по ОСАГО, а вторая экспертиза покажет большую сумму, разницу придётся взыскивать с причинителя вреда, а не со страховой. Плюсы: снимает претензию «вы завысили». Минусы: время и деньги, а при несложном ДТП сумма может не окупить спор. Медиатор: используйте независимую экспертизу как инструмент, а не как приговор, и обязательно заранее обсудите с клиентом, что он будет делать с её результатом.

Кто может инициировать экспертизу и как ходатайствовать об её назначении?

Экспертизу по делу назначает суд; до суда стороны вправе провести её самостоятельно, а доказательства приобщить к делу в порядке, установленном процессуальным законом. Досудебная экспертиза может быть инициирована любой из сторон, а расходы относятся на того, кто её инициировал, и при распределении издержек суд вправе взыскать их с проигравшей стороны. В практике медиатора: перед судебной встречей разумно согласовать, какая экспертиза нужна и кто оплачивает, иначе вы получите две несовместимые оценки и затяжной спор. Конкретные номера норм ГПК РФ, регулирующие порядок ходатайств об экспертизе, должен подтвердить юрист.

Чем доказывается вина, если никто не признался?

Вина в гражданском деле доказывается на общих началах, но если причинитель вреда — источник повышенной опасности, закон допускает презумпцию его вины: именно на нём лежит бремя доказывания, что он действовал неправомерно или что вред возник не по его вине. На практике это работает только если у пострадавшего есть документы: протокол, схема, фото, заключение, показания свидетелей. Медиатору: при отсутствии признания и при отсутствии доказательств взыскание с виновной стороны почти нереально, и честный разговор с клиентом об этом — часть работы. Не обещайте результат, которого нет.

Показания свидетеля — насколько им можно верить?

Свидетельские показания принимаются судом, но оцениваются наряду с другими доказательствами, и устойчивая версия, в которой свидетель не мог видеть ключевой эпизод, весит мало. Практика: свидетель, который был в движении, скажет «не помню, ехал» и окажется бесполезен; свидетель, остановившийся в двух метрах, скажет «видел» и окажется решающим. Медиатор: выясняйте у свидетеля не версию, а точку наблюдения — где он находился, куда смотрел, что видел и что не мог видеть. Записывайте дословно; в соглашении можно закрепить, что свидетель подтвердит факты в установленном порядке.

Возмещение вреда и страхование 6 вопросов

Какие статьи ГК РФ регулируют возмещение вреда от ДТП?

Базовые нормы: ст. 1064 ГК РФ — вред, причинённый имуществу и личности, подлежит возмещению в полном объёме лицом, причинившим вред; ст. 1069 — ответственность за вред, причинённый источником повышенной опасности, к которому приравнивается автомобиль; ст. 1079 — обязанность причинителя вреда возместить его; ст. 1082 — способ возмещения: по общему правилу вред возмещается в натуральной форме, если иное не установлено законом или договором; ст. 1099–1101 — моральный вред и его компенсация. Медиатору: набор статей полезен не для спора, а для того, чтобы показать клиенту, что ответственность причинителя вреда существует независимо от позиции страховой.

Страховая заплатила меньше, чем стоит ремонт. Кто должен доплачивать?

Выплата по ОСАГО по общему правилу покрывает вред с учётом износа, и разница между выплатой и стоимостью восстановительного ремонта по этой причине не компенсируется страховой: если страховщик выплатил с износом меньше, чем ремонт, остаётся разница между износом и без него. Виды страховых выплат перечислены в ст. 15 ФЗ «Об ОСАГО». Практика: эта разница — предмет требования к причинителю вреда, а не к страховой компании. Для медиации это идеальный предмет: страховая уже сделала свою часть, осталось договориться о разнице, которую ни одна сторона не может закрыть спором в суде без экспертизы.

Что такое утрата товарной стоимости (УТС) и кто её считает?

Утрата товарной стоимости — это уменьшение рыночной стоимости автомобиля в связи с восстановлением после повреждения, то есть разница между ценой до ДТП и ценой после ремонта с учётом следов вмешательства. Расчёт УТС требует отдельного методического обоснования и, как правило, отдельной экспертизы; в выплату по ОСАГО она включается в пределах установленных лимитов. Медиатор: УТС почти всегда вызывает спор в сумме, потому что методик расчёта несколько и разброс бывает заметный. Реалистичный подход — заранее договориться о том, какая методика принимается сторонами, и зафиксировать это в соглашении.

У виновника нет ОСАГО. Что тогда?

Тогда договор с его страховой компании невозможен, и вред возмещается причинителем вреда напрямую по ст. 1064, 1069 и 1079 ГК РФ, с учётом того, что сам факт отсутствия полиса может дополнительно квалифицироваться, а виновник несёт и риск повышенного внимания к нему со стороны страховой компании. Медиатор: в таких делах смысл переговоров возрастает — суд по таким спорам долгий, а суммы существенные. Проверьте статус полиса заранее, ещё на первой сессии, и непременно выясните, есть ли у виновной иные активы и источники дохода: соглашение, которое нечем исполнять, хуже, чем честный отказ от него.

Виновник застрахован, но это его регресс. Что это значит для пострадавшего?

Регресс — право страховщика после выплаты потерпевшему предъявить требование к лицу, признанному виновным, о возврате выплаченного. Для потерпевшего это ничего не меняет: его выплата уже сделана, а спор страховой и виновника — их дело. Для виновной это существенный риск: полная выплата по ОСАГО может быть взыскана с неё обратно. Медиатор: объясните это прямо, иначе расчёт «мне же заплатит страховая» окажется иллюзией и соглашение будет нарушено при первой же выплате. Ориентир по основанию регресса — ст. 11 ФЗ «Об ОСАГО», конкретный пункт уточните у юриста.

Страховая отказала в выплате. Какие у меня есть варианты?

Отказ может быть законным, и основания отказа перечислены в ст. 16 ФЗ «Об ОСАГО»: например, вред причинен умышленно или при управлении лицом в состоянии опьянения, либо лицом, не имеющим права управления, либо событие не подпадает под страховой случай. Проверьте сам отказ: он должен быть мотивированным, в письменной форме, с указанием основания. Если отказ необоснован — жалоба финансовому уполномоченному и в суд; если обоснован — вред взыскивается с причинителя вреда напрямую. Медиатор: не боритесь с отказом вместо клиента — ваша задача выяснить, есть ли у стороны вообще источник для выплаты, и если да, договориться.

Обращение в страховую и к водителю 5 вопросов

В какой срок надо обратиться в страховую компанию?

Закон устанавливает срок уведомления страховщика о страховом случае — потерпевший обязан известить страховщика в течение пяти рабочих дней; актуальную редакцию этой нормы и перечень прилагаемых документов нужно сверить перед подачей, особенно если срок уже пропущен. Параллельно действует срок исковой давности по требованиям о возмещении вреда — три года. Медиатор: в отличие от суда, страховая в «просрочку» обычно не отказывает, но задержка выплаты раздражает и портит отношения. Согласуйте с клиентом порядок: подать заявление сразу, а переговоры с причинителем вести параллельно.

Сколько страховая платит и за какое время?

Страховая выплата по ОСАГО производится в течение установленного законом срока — десяти рабочих дней с момента получения страховщиком полного комплекта документов; в практике этот срок чаще всего сдвигается не самим сроком, а неполнотой пакета или спором об износе. Лимиты по ОСАГО в части имущественного вреда — четыреста тысяч рублей, по вреду жизни и здоровью лимит повышен, актуальную величину нужно уточнить на 2026 год. Медиатор: заранее соберите документы одним пакетом — экономия недели здесь стоит клиенту месяца ожидания.

Можно ли договориться с виновником напрямую и не идти в страховую?

Можно, и часто это быстрее, но вы теряете страховой механизм: деньги от виновника идут из его кармана, без понижения износа за счёт страховой и без контроля страховой компании. Подписывайте такое соглашение только в письменной форме, с указанием суммы, сроков, порядка и последствий неисполнения. Практика медиатора: добровольное возмещение без акта осмотра страховой почти всегда оспаривается позже — сначала сумма, потом сам факт повреждений. Поэтому в соглашении обязательно фиксируйте перечень повреждений и указывайте, что акт осмотра уже составлен.

Виновник хочет рассчитаться частями. На каких условиях соглашаться?

Соглашайтесь, если есть график, обеспечение и последствия: первый платёж сразу, далее ежемесячно в определённую дату, при просрочке — фиксированная неустойка и право на исполнение. Проверьте платёжеспособность: размер платежа должен быть посильным, иначе получите три месяца выплат и судебный исполнитель. Медиатор: если плательщик систематически переносит сроки, честнее перейти к более быстрому, но менее выгодному решению — полной выплате или судебному взысканию.

Как правильно оформить расписку о возмещении вреда?

В расписке должны быть: дата и место ДТП, стороны и их данные, признание факта ДТП и его обстоятельств, перечень повреждений, согласованная сумма, срок и способ платежа, подписи и расшифровки. Формулировка про вину — самый деликатный момент: признание вины в расписке может иметь значение для страховой и для ГИБДД, тогда как соглашение может быть построено на признании фактических обстоятельств без признания нарушения. Точный юридический смысл формулировки должен проверить юрист, а не медиатор. Практика: отказ от претензий заявляйте только в той части, которая реально оплачена, и только письменно.

Разбирательства 6 вопросов

Когда медиация в ДТП вообще имеет смысл?

Когда обе стороны признают факт столкновения, вред невелик или уже рассчитан, нет спора о фактических обстоятельствах, и разбирательство в суде не даст ничего, кроме переноса суммы на 30–40 процентов. Классические подходящие случаи: неуставная дорожно-транспортная ситуация, спор о размере ущерба при признанной вине, расхождение между выплатой страховой и стоимостью ремонта. Медиатору: медиация не отменяет административную или уголовную ответственность и не заменяет возмещение вреда по ОСАГО — она заменяет спор о деньгах.

Когда медиация бессмысленна и я должна отказаться?

Когда есть пострадавший с тяжёлой травмой или погибший: там работают адвокаты, следствие и страховые выплаты, а денежные договорённости неприемлемы. Когда виновник скрылся и его личность не установлена — нет второй стороны. Когда один из участников находится в состоянии опьянения или в острой психотической реакции. Когда есть признаки уголовного преступления. Отказаться — тоже работа: объясните клиенту, почему медиация сейчас не подходит, и передайте вопрос юристу. Это честнее, чем соглашение, исполнение которого невозможно.

Виновник не признаёт вину. Что вообще можно согласовать?

Договариваться о сумме без признания вины — самый частый и самый продуктивный сценарий: пострадавшему важно получить деньги, виновной — не признать вину публично и избежать регрессных последствий. Медиатор: разведите факты и оценки. Факты — удар сзади, отсутствие следов торможения, сумма ущерба по заключению. Оценки — «он был неправ», «я ехал на зелёный». Попросите каждого сформулировать, что он считает необходимым для справедливого исхода. Часто выясняется, что пострадавшему нужно признание факта, а виновному — отсутствие письменного «виновен». Этот разрыв закрывается конструкцией: «признаём обстоятельства столкновения такими-то».

Как медиатор помогает, когда вина не признаётся?

Работайте с тремя слоями. Первый — факты: объективные данные, которые не зависят от чьего-то мнения. Второй — интересы: пострадавшему нужно закрыть вопрос и получить машину в ремонт, виновному — сохранить статус добросовестного водителя и избежать финансового удара. Третий — риски: издержки, время, регресс, репутация. Часто именно третий слой — «вы сейчас отказываетесь от 60 тысяч, но получаете судебные расходы и исполнительное производство» — переводит разговор в конструктив. Называйте вещи своими именами, но без давления: это переговоры, а не допрос.

Что делать, если сумма, которую требует пострадавший, кажется неадекватной?

Верните разговор к расчёту: разложите сумму на части (стоимость ремонта, износ, УТС, расходы на аренду, компенсация морального вреда), по каждой части спросите, на чём основана цифра и есть ли документ. Там, где документ есть, спор живёт; где нет — это ожидания, и с ними можно работать. Медиатору: адекватность суммы — вопрос не вашей экспертизы, а материала сторон. При этом завышенное ожидание пострадавшего и неспособность виновного платить — это две разные проблемы: первая решается пересчётом, вторая — графиком и реалистичной оценкой возможностей. Никогда не говорите стороне, что её сумма завышена; говорите, что не можете рекомендовать соглашение на невыполнимых условиях.

Соглашение достигнуто. Что должно быть в нём, чтобы оно было исполнимым?

Что: предмет (возмещение вреда по ДТП от конкретной даты, перечень повреждений, включая спорные позиции). Кто: полные данные сторон. Когда: конкретные даты платежей, а не «в течение месяца». Как: способ платежа, реквизиты, назначение платежа. Что при нарушении: ответственность, проценты за просрочку, право на судебное взыскание. Отдельно — срок действия, подписание экземпляров, момент прекращения обязательств сторон по выплате, отказ от претензий. Медиатор: в соглашении должно быть ровно столько, чтобы его можно было показать приставу и чтобы при его нарушении не пришлось доказывать вину ещё раз.

Спецслучаи 10 вопросов

ДТП на парковке: покроет ли это ОСАГО?

Здесь практика неоднородна: страховым случаем признаётся ДТП, причинённое эксплуатацией транспортного средства, его движением, и территорией страхования по ст. 7 ФЗ «Об ОСАГО» признаётся территория Российской Федерации. Столкновение на парковке — это не всегда ДТП в смысле ПДД, потому что нет движения; часть споров заканчивается отказом в выплате именно по этому основанию. Точный ответ зависит от того, двигались ли машины, и от конкретной практики страховой. Медиатор: не обещайте выплату — проверьте позицию страховщика заранее и держите в запасе сценарий требования напрямую к причинителю вреда.

В ДТП попал велосипедист. Что особенного?

Велосипедист — участник дорожного движения, и причинение ему вреда здоровью подпадает под возмещение вреда в порядке, установленном для потерпевших от ДТП, с соответствующими лимитами ОСАГО. Но доказывание тяжести вреда здоровью ведётся через медицинские заключения и судебно-медицинскую экспертизу, а не через «аварию». Если есть элемент преступления (тяжкий вред, смерть) — это уже не медиация. Практика: при ДТП с велосипедистом почти всегда требуется заключение о тяжести вреда здоровью; без него сумма не обсуждается, и до его получения переговоры ведутся только о бытовой части — расходы на лечение, эвакуатор, ремонт велосипеда.

В ДТП участвовал пешеход. Что с этим?

Если пешеход переходил дорогу в разрешённом для него месте и вел себя внимательно, его вред возмещается в порядке ОСАГО и по нормам о возмещении вреда здоровью. Если пешеход создал опасность для движения — вред подлежит возмещению, но с учётом вины самого потерпевшего, которая может уменьшить размер возмещения. Медиатору: пешеходы — самая уязвимая сторона, и здесь особенно важно не давать им согласиться на заниженную выплату под давлением «ну вы же сами виноваты, не вылезали». При наличии тяжких последствий — только юрист.

В ДТП пострадало животное. Кто отвечает?

Животное в ДТП — это имущество его владельца, и вред его здоровью по законодательству о животных не возмещается. Поэтому вред, причинённый в результате ДТП животному, возмещается в денежном выражении в пределах стоимости животного с учётом износа и потерь в хозяйственной ценности, если иное не установлено договором; вред владельцу (расходы на лечение, ветеринар, гибель потомства, упущенная выгода) возмещается по общим правилам. Практика: расчёт стоимости животного — предмет спора, и без документов (покупка, ветеринарные документы, оценка) договориться трудно. Медиатор: помогите потерпевшему собрать документы до первой совместной встречи.

ДТП случилось на каршеринговом автомобиле. Кто платит?

Ответственность причинителя вреда по ГК РФ — за водителя, который управлял автомобилем; ответственность сервиса и оператора зависит от договора и от того, были ли нарушены условия использования (например, нарушен запрет на употребление алкоголя). Если у водителя есть собственный полис ОСАГО — по нему и выплаты пострадавшему; при отсутствии полиса потерпевший обращается к причинителю вреда напрямую. Медиатору: в каршеринговых делах всегда выясняйте, был ли полис, кто оплачивал аренду, и зафиксируйте в соглашении, что ответственность за нарушение условий использования лежит на водителе.

Автомобиль с иностранными номерами. Что делать пострадавшему?

Для транспортных средств, зарегистрированных за рубежом, действуют правила о международных договорах и о подтверждении страхования на территории России, и такие полисы должны быть в реестре; проверить это можно через официальные реестры страховщиков. Если подтверждение страхования нет, потерпевший не получает выплату от страховой и взыскивает вред напрямую с водителя, причём на иностранного водителя придётся обращаться через международные механизмы, что резко удлиняет путь. Медиатор: проверяйте статус полиса в самом начале, до того, как клиент строит план на «позвоним в страховую».

За рулём сидел человек без прав, или машина была не his. Кто отвечает?

Основания отказа страховщика в выплате перечислены в ст. 16 ФЗ «Об ОСАГО», и среди них — вред, причинённый при управлении лицом, не имеющим права управления, и при управлении лицом, не допущенным к управлению. При отказе потерпевший взыскивает вред с причинителя вреда по ст. 1064, 1069 и 1079 ГК РФ, и на практике ответственность несёт именно тот, кто сидел за рулём. Отдельно проверьте, был ли вписан водитель в полис: если да, иная ситуация. Медиатор: здесь решение почти всегда за юристом, а вам стоит удержать клиента от подписания любых «расписок» с неясными последствиями.

Кто-то намеренно повредил мою машину — это ведь не ДТП?

Отказ страховщика в выплате по мотивам умысла прямо предусмотрен ст. 16 ФЗ «Об ОСАГО», и при умышленном повреждении чужого имущества ответственность несёт сам причинитель вреда, в полном объёме, по ст. 1064 ГК РФ. Практика: при подозрении на умысел настаивайте на возбуждении уголовного дела и на возмещении вреда в рамках уголовного процесса — это быстрее и полнее, чем гражданский спор. Медиатор: с умышленным вредительством медиация обычно невозможна, а попытка «договориться без привлечения» лишает потерпевшего самого сильного инструмента. Отговаривайте от такого сценария прямо и передавайте вопрос юристу.

За рулём сидел человек, не вписанный в мой полис ОСАГО. Кто мне заплатит?

Если полис оформлен на конкретное лицо и водитель в него не вписан, страховая может отказать потерпевшему в выплате — это прямое следствие ст. 16 ФЗ «Об ОСАГО», где перечислены основания отказа, включая управление лицом, не допущенным к управлению. Тогда потерпевший вред возмещает с причинителя напрямую по ст. 1064, 1069 и 1079 ГК РФ, и ответственность несёт именно тот, кто сидел за рулём. Отдельно проверьте, есть ли у этого водителя собственный действующий полис ОСАГО — иногда в таких историях полис есть, просто не на той машине. Медиатор: это дело юриста; ваша задача — не дать клиенту подписать «мировое» на условиях, которые лишают его права на возмещение.

В ДТП пострадал пассажир в такси — с кого спрашивать?

Здесь две разные ответственности. За вред здоровью и имуществу пассажира отвечает перевозчик: по законодательству о перевозке пассажиров перевозчик отвечает за вред, причинённый пассажиру, и на эти случаи оформляется страхование ответственности перевозчика — отдельный договор, а не ОСАГО. За причинение вреда самому автомобилю такси и третьим лицам отвечает водитель и владелец в порядке ОСАГО и норм ГК РФ. Практика: сразу выясните у клиента, был ли оформлен полис ответственности перевозчика, иначе разговор пойдёт в никуда. При малейшем признаке вреда здоровью — только юрист.

Часть II. Протокол дела: 10 встреч

ДТП на перекрёстке: разница между выплатой ОСАГО и реальным ремонтом

Обстоятельства. Четырнадцатого марта 2026 года около восемнадцати часов на перекрёстке Веденяпина и Профсоюзной в Москве столкнулись два автомобиля: синий Kia Rio под управлением Ларисы Мельниковой и тёмно-серый Škoda Octavia под управлением Артёма Данилова. Удар пришёлся в левую заднюю часть кузова Rio. Обе стороны вызвали ГИБДД, протокол оформлен, составлена схема, проведена фотофиксация. В салоне Rio находился сын пострадавшей, девятилетний Кирилл, ребёнок не пострадал, но сильно перепуган. Стартовая позиция пострадавшей. Мельникова уверена: Данилов перестроился слева направо и ударил её в бок, не увидев её в зеркало, потому что она стояла на светофоре. Через девять дней она получила от страховой компании Данилова выплату 148 000 рублей — с учётом износа деталей. Независимая экспертиза, которую она заказала сама, оценила восстановительный ремонт в 213 400 рублей, а утрату товарной стоимости автомобиля — в 24 800 рублей. Разница между тем, что дала страховая, и тем, что нужно на ремонт, Мельникову возмущает. Она требует от Данилова доплаты напрямую, ссылаясь на то, что вред возмещается причинителем вреда полностью, а страховая сделала только часть работы. Дополнительно она требует компенсации морального вреда и расходов на аренду подменного автомобиля за одиннадцать дней. Стартовая позиция ответчика. Данилов вину не признаёт. По его словам, он двигался в своей полосе, а Мельникова резко выехала на него, отчего он затормозил и не успел среагировать. Он ссылается на запись в протоколе ГИБДД о том, что она не обеспечила дистанцию, и утверждает, что при таком оформлении выплаты не должно быть вовсе. Он предлагает 60 000 рублей закрыть вопрос без признания вины и без бумаг, которые ему потом предъявят. Он также категорически против любых формулировок, где он назван виновником: у него репутация водителя без ДТП, полис КАСКО он собирался продлить, и, по его убеждению, признание обстоятельств в письменном виде будет использовано против него страховой компанией при регрессном требовании. Что делает медиатор. Медиатор не оценивает вину и не квалифицирует нарушения: это зона юриста и ГИБДД. Медиатор делает три вещи. Первое — разводит факты и оценки: кто что видел, что зафиксировано документально, а что является интерпретацией каждой из сторон. Второе — выясняет интересы: Мельниковой нужно не только деньги, но и признание обстоятельств, чтобы не остаться виноватой в чужом протоколе и чтобы сын не столкивался с версией матери в школе; Данилову нужно сохранить статус добросовестного водителя и избежать риска регресса. Третье — разруливает главное противоречие: Данилов хочет заплатить без признания вины, а по юридической логике именно отсутствие признания создаёт для него риск регрессного требования от собственной страховой. Это противоречие и есть ключ к сделке. Что может пойти не так. Риск первый: стороны уже нагружены и не доверяют друг другу, и любая ошибка медиатора в первой встрече убьёт процесс. Риск второй: цифры. Спор о разнице между износом и ремонтом заходит в тупик, если медиатор пытается сам пересчитать ущерб, — этого делать нельзя, считает эксперт. Риск третий: если соглашение будет подписано на словах или без отсроченных условий отказа от претензий, пострадавшая получит деньги и сохранит право на иск, а ответчик останется без определённости. Риск четвёртый: репутационный. Сведения о ДТП в этом деле уже разошлись по чатам родителей, и требование о конфиденциальности для обеих сторон является не формальностью, а условием продолжения переговоров.

Встреча 1. Первичная: раздельные сессии и диагностика (90 минут)

МЕДИАТОР: «Добрый день, Лариса. Спасибо, что пришли. Правило сегодня простое: я сначала поговорю с вами отдельно, потом отдельно с Артёмом. Ничего, что вы скажете, не уйдёт к нему без вашего согласия. Начнём не с денег. Расскажите своими словами, что произошло в тот вечер.»

СТОРОНА А: «Всё было обычно. Я стояла на светофоре, зелёный для меня ещё не горел. Я первая остановилась. Он ехал по соседней полосе, я его видела в зеркало, он начал перестраиваться и влепился в левое заднее крыло. Мой Кирилл сидел сзади, он до сих пор вздрагивает, когда мимо светофора проезжают на скорости.»

МЕДИАТОР: «Что было в первые секунды после удара? Кто первый что-то сказал?»

СТОРОНА А: «Я вышла, посмотрела на машину, начала снимать на телефон. Он вышел сразу и стал говорить, что я выехала на него. Я сказала — вызывайте ГИБДД. Он согласился, но сначала сам ходил вокруг и снимал, причём снимал больше мою машину, чем свою.»

[Медиатор фиксирует: у пострадавшей сформирована версия «он перестроился», есть фото и видео с телефона с момента удара; отдельно отмечено, что она не снимала общий план с проезжей части — это слабое место, которое надо закрыть.]

МЕДИАТОР: «Что вы хотите получить от этой встречи? Не от суда — от встречи со мной.»

СТОРОНА А: «Деньги. Я хочу, чтобы он доплатил разницу, потому что страховая мне заплатила с износом, а ремонт стоит больше. Я не хочу судиться, я работаю, у меня ребёнок. И я хочу, чтобы он… чтобы было написано, что это он. Я устала объяснять, что виноват был он, а в протоколе написано, что я не соблюдала дистанцию.»

МЕДИАТОР: «Поняла. Скажите прямо: вам нужно две вещи. Первая — недостающие семьдесят тысяч. Вторая — чтобы ваше имя в этой истории не было именем виноватого. Это так?»

СТОРОНА А: «Да. Именно так.»

МЕДИАТОР: «Хорошо. Теперь, пожалуйста, пришлите мне то, что у вас есть: копию протокола со схемой, заключение независимой экспертизы, расчёт утраты товарной стоимости, договор аренды подменной машины и чеки, а также выписку из личного кабинета страховой с датой выплаты. И ещё — все фотографии в исходном виде, без сжатия, из телефона.»

СТОРОНА А: «А зачем исходный вид?»

МЕДИАТОР: «Потому что сжатые снимки в переписке размывают мелкие детали, а именно в мелочах живёт разница между «он перестроился» и «я выехала». Если дойдёт до суда, а Артём решит спорить, мы должны быть в состоянии показать, что наши выводы держатся на документах, а не на впечатлениях. И второе: то, что вы подпишете, будет читать судья. Я хочу, чтобы там было написано то, что вы действительно считаете фактами.»

[Раздельная сессия с пострадавшей закончена. Медиатор отдельно фиксирует для себя две карточки: «Мельникова хочет признания обстоятельств» и «Мельникова боится, что ребёнок узнает версию матери и будет издеваться в школе».]

МЕДИАТОР: «Артём, теперь с вами. Сядьте, если вам удобнее. Расскажите, как это было для вас.»

СТОРОНА Б: «Я ехал по своей полосе, скорость нормальная, не превышал. Мельникова стояла, потом резко начала выезжать — видимо, поворачивала. Я затормозил, но она была уже почти напротив. Удар в левое крыло. Я не перестраивался вообще.»

МЕДИАТОР: «Вы говорите «резко начала выезжать». Вспомните, как именно: с какого положения, в какую сторону, машина стояла или уже двигалась?»

СТОРОНА Б: «Машина стояла на светофоре, это понятно. Двигаться она начала… ну, наверное, чуть-чуть, выехала на полшага, и я её не сразу увидел в зеркале, потому что она была в слепой зоне.»

МЕДИАТОР: «Полшага. А к моменту удара она была в слепой зоне или уже перед вами?»

СТОРОНА Б: «Ну… уже, наверное, перед. Я не смотрел в зергало в ту секунду, я смотрел вперёд. И тормозил я, да. Тормозил, потому что понял, что она выезжает.»

МЕДИАТОР: «Значит, вы увидели её уже тогда, когда она была перед вами, и затормозили. А следов торможения на асфальте в протоколе и в заключении не указано.»

СТОРОНА Б: «Ну да. Ну, может, следы и стёрло, там дождь был.»

[Медиатор отмечает: ключевой факт — отсутствие следов торможения, которое могло бы подтвердить версию ответчика. Это серьёзный риск его позиции и одновременно его главный мотив к сделке: если вина останется нераспределённой, его страховая может предъявить регрессное требование.]

МЕДИАТОР: «Что вы хотите от этой встречи?»

СТОРОНА Б: «Я не хочу платить за чужую машину. Я предлагал шестьдесят тысяч, готовы? Ну, семьдесят, если вы снимете претензию по полной. Мне надо, чтобы это было закрыто без признания вины и без бумаг, которые мне потом предъявят.»

МЕДИАТОР: «Уточню: вы хотите, чтобы не было документа, где написано, что виноваты вы?»

СТОРОНА Б: «Да. Именно так. У меня в анкете страховой сейчас чисто. Если я подпишу, где написано «виноват», мне потом КАСКО не продлят, а это полтора миллиона на четыре года. Мне нельзя, у меня трое детей.»

МЕДИАТОР: «Понял. Отвечаю на это прямо, потому что это важно для вашей стратегии. Если вина в вашем ДТП останется не установленной ни вами, ни ГИБДД, ни судом, то у вашей страховой компании появляется право регрессного требования к вам как к лицу, виновным не признанному, — она выплатит потерпевшей и через эту выплату переложит расход на вас. То есть отсутствие признания вины, которое вы считаете защитой, юридически для вас рискованнее, чем признание.»

СТОРОНА Б: «Это… правда?»

МЕДИАТОР: «Основание — статья одиннадцатая закона об ОСАГО, точные условия лучше уточнить с юристом, но механизм именно такой. Я не могу вам дать юридическую консультацию, я могу показать вам, где проходит линия вашего интереса. Ваш интерес — не «не признавать вину». Ваш интерес — не получить регресс. Это разные вещи, и, возможно, они совместимы.»

[Медиатор фиксирует: главный интерес ответчика — снятие риска регресса при минимальном публичном признании; второй интерес — репутация и сохранение безупречного взыскания по КАСКО при продлении.]

МЕДИАТОР: «Пришлите, пожалуйста, от вас: копию протокола, полис, заключение экспертизы, справку из ГИБДД о ДТП, и — если есть — вашу фотографию машины с места. И ещё две вещи: во-первых, есть ли у вас видео с регистратора, может быть, фрагмент? Во-вторых, ваша страховая уже выплатила, как я понимаю? Значит, регресс она предъявит не вам, а… уточните, в какой компании у вас ОСАГО, и я посмотрю, есть ли там уже какое-то решение по вашему делу.»

СТОРОНА Б: «Регресс они мне предъявят, если найдут виновного в другом человеке. Или наоборот?»

МЕДИАТОР: «Именно это я и хочу проверить. Присылайте документы, Артём. Разговор сегодня заканчиваем, к следующей встрече я соберу обе картины.»

> [Итог первой встречи: обе стороны дали версии без противоречий в собственных словах, но с несовпадением в ключевой детали; пострадавшая обозначила два интереса, ответчик — два; выявлен риск регресса как мотив ответчика; собраны реестры документов с обеих сторон.]

Встреча 2. Совместная: постановка предмета и правила (90 минут)

МЕДИАТОР: «Спасибо, что вы пришли вместе. Прежде чем о чём-либо договариваться, я поговорила с вами каждым отдельно. Ни одно из того, что вы сказали приватно, я сейчас не пересказываю. Скажу только то, что мы с вами оба понимаем: факт столкновения 14 марта никто не оспаривает. Оспаривается одно — кто в чём был неправ и сколько этот спор стоит в рублях.»

СТОРОНА Б: «Я не оспариваю факт. Я оспариваю, что это я в неё въехал.»

МЕДИАТОР: «Хорошо, это мы обсудим. Сначала — правила, чтобы мы не потеряли два часа. Первое: я не оцениваю вину и не квалифицирую нарушения. Ни протокол ГИБДД, ни заключение эксперта не разбираются в том, кто виноват, в том смысле, в котором это нужно вам обоим, — они фиксируют обстоятельства. Второе: всё, что вы здесь скажете, остаётся между нами, кроме самого соглашения, если мы его составим. Третье: любая договорённость будет письменной, с точными суммами, датами и подписями. Четвёртое: вы в любой момент можете остановиться и пойти к юристу, и я не обижусь. Пятое: я не обещаю вам результат, которого не может быть. Никакой медиатор не может.»

СТОРОНА А: «Тогда зачем вы вообще нужны, если вы не решаете, кто виноват?»

МЕДИАТОР: «Хороший вопрос. Отвечаю честно. Я решаю не вопрос вины — это вопрос юриста и суда. Я решаю вопрос денег и вопрос обязательств. У вас сейчас на руках две суммы, которые не равны: страховая выплатила вам сто сорок восемь тысяч, а независимая экспертиза говорит — ремонт стоит двести тринадцать тысяч четыреста. Разницу в шестьдесят пять тысяч четыреста страховая вам не даст, потому что это не её зона: она отвечает за вред в рамках лимита и износа. Эта разница — либо ваш суд, либо ваша договорённость с ним. Я предлагаю второе. И ещё я делаю вторую вещь: снимаю противоречие, которое вы оба не можете разрешить сами. Артём хочет заплатить так, чтобы это было закрыто и его не называли виновным. Лариса хочет, чтобы это было закрыто и её перестали считать виноватой. Вы оба хотите одного и того же — закрыть вопрос, — но каждый боится, что при этом потеряет лицо. Вот эту развязку я и ищу.»

СТОРОНА А: «А что с моральным вредом? Мне ещё сорок тысяч за то, что полгода переживаю.»

МЕДИАТОР: «Обсудим, но я сразу скажу, как это выглядит с моей стороны. Компенсация морального вреда при повреждении имущества — редкая вещь, и суды в таких делах оценивают её скупо. Если ваша цель — получить сорок тысяч именно как моральный вред, вы, скорее всего, получите в суде меньше, и это будет обидно. Если ваша цель — закрыть вопрос целиком, моральный вред может стать частью общей суммы, но называть его моральным в соглашении я не советую. Я предлагаю вернуться к этому в шестой встрече, когда посчитаем деньги целиком.»

СТОРОНА Б: «А с регрессом вы говорили, что это моя проблема? Вы уверены?»

МЕДИАТОР: «Уверена, что механизм регресса существует и что при неустановленной вине риск для вас выше, чем при признанной. Точную формулировку и вашу конкретную ситуацию проверит юрист — и я настоятельно рекомендую вам это сделать до подписания чего бы то ни было. Но вот что я точно вижу: регресс — это про сотни тысяч. Моральный вред Ларисы — это разговор про десятки тысяч. Давайте решать сначала крупное, а мелкое обсудим по ходу.»

СТОРОНА Б: «Пусть тогда юрист будет.»

МЕДИАТОР: «Обязательно будет. И у Ларисы тоже. Я не заменяю юриста, я готовлю почву, на которой юристу будет легко работать. Согласны?»

СТОРОНА А: «Согласна.»

СТОРОНА Б: «Согласен.»

МЕДИАТОР: «Теперь о предмете. Я предлагаю предметом считать не «кто виноват», а вот что: какие последствия столкновения остаются у каждого из вас сегодня и как мы их закрываем. У

Ларисы: недоплата между выплатой и ремонтом, утрата товарной стоимости, расходы на аренду машины, и отдельно — вопрос о том, как это будет описано в документе. У Артёма: сумма выплаты, срок, способ и риск, что завтра будет новая претензия. Договорённость нужна по обоим спискам. Вопрос: есть ли у кого-то возражение против такой постановки?»

СТОРОНА А: «Возражения нет. Но я хочу, чтобы мы обсуждали, что будет написано про вину.»

МЕДИАТОР: «Будем обсуждать. Я даже скажу, как это, по моему опыту, делается: признание обстоятельств и признание вины — это разные вещи, и в соглашении вы вправе зафиксировать обстоятельства. Например: стороны признают, что столкновение произошло в связи с маневрированием автомобиля Škoda Octavia в направлении полосы движения автомобиля Kia Rio, и что причиной столкновения стал указанный маневр. Вины здесь нет, нарушения нет, а смысл в том, что за этот маневр отвечает Артём. Это юридическая конструкция, её должен проверить юрист, и, возможно, вы будете делать это не в медиации, а через адвоката. Но показать вам, что такой коридор существует, я обязана.»

СТОРОНА Б: «То есть без слова «виноват»?»

МЕДИАТОР: «Без слова «виноват». Если слово «виноват» для вас неприемлемая цена, я не буду его требовать. Но тогда взамен у меня будут к вам вопросы, и они будут жёсткие.»

[Договорённость встречи: предмет — не вина, а последствия; конфиденциальность; соглашение письменное; обе стороны обязуются привлечь юриста для проверки итоговой формулировки; предмет разбит на два списка.]

Встреча 3. Разведение фактов и оценок (90 минут)

МЕДИАТОР: «Сегодня мы строим карту. Я прошу обеих сторон отвечать только на один вопрос: это факт или это ваша оценка? Факт — то, что зафиксировано в документе или подтверждается свидетелем. Оценка — ваше мнение о том, как это случилось. Буду придирчива, но это не претензия, это методика: в суде судья делает ровно то же самое.»

СТОРОНА А: «Я готова.»

МЕДИАТОР: «Факт первый: 14 марта 2026 года, перекрёсток Веденяпина и Профсоюзной, совершено столкновение между автомобилями Kia Rio и Škoda Octavia. Подтверждается протоколом, схемой, страховой выплатой. Верно?»

СТОРОНА А: «Верно.»

СТОРОНА Б: «Верно.»

МЕДИАТОР: «Факт второй: удар пришёлся на левое заднее крыло и бампер Rio. Подтверждается заключением экспертизы, фотографиями осмотра и осмотром страховой. Верно?»

СТОРОНА А: «Верно.»

СТОРОНА Б: «Верно.»

МЕДИАТОР: «Факт третий: в протоколе ГИБДД указано, что Мельникова не обеспечила безопасную дистанцию. Верно?»

СТОРОНА А: «В протоколе да. Но это не значит, что это причина удара.»

МЕДИАТОР: «Вот это разделение мне и нужно. Факт — что такая запись есть. Оценка — что она причина удара. Верно, оценка. Договорились: запись в протоколе обсуждаем как факт, причинную связь обсуждаем как предмет спора. Хорошо. Артём, вы не будете настаивать, что протокол доказывает вашу невиновность?»

СТОРОНА Б: «Я настаиваю, что протокол доказывает, что она выехала.»

МЕДИАТОР: «Зафиксировали: это ваша оценка. Лариса, а ваша оценка?»

СТОРОНА А: «Он перестроился, не посмотрел в зеркало, ударил. Он видел меня, потому что я стояла на светофоре, а он шёл на скорости. Он мог остановиться, а он не остановился.»

СТОРОНА Б: «Она выехала!»

МЕДИАТОР: «Артём, стоп. Мы сейчас не выясняем, кто прав. Мы строим карту: ваша оценка — «она выехала», её оценка — «он перестроился». Обе оценки записаны, обе остаются в работе. Идём дальше по фактам.»

МЕДИАТОР: «Факт четвёртый. В заключении СКТЭ указано: следов торможения не обнаружено ни на одном из автомобилей, тормозной путь не зафиксирован. Цитирую дословно, чтобы никто не пересказывал. Обе стороны подтверждаете?»

СТОРОНА А: «Подтверждаю, там так и есть.»

СТОРОНА Б: «Подтверждаю.»

МЕДИАТОР: «Значит, версия Артёма о том, что он тормозил, документально не подтверждается. Это не значит, что он не тормозил. Это значит, что подтверждения торможения нет ни у кого из вас. Договорились так и понимаем: наше заключение по механизму — «торможение не зафиксировано», и мы не будем строить выводов о скорости ни по одной из версий.»

СТОРОНА Б: «А как же вывод эксперта про скорость? Там про скорость есть.»

МЕДИАТОР: «Эксперт описывает расчётную скорость при отсутствии следов торможения и прямо указывает, что виновника не определяет. Я, как медиатор, не пересчитываю его работу и не оспариваю расчёт. Единственное, что я констатирую: заключение не решает наш спор о вине, оно решает другой вопрос — о стоимости.»

СТОРОНА А: «А вот тут вы правы, оно как раз про деньги.»

МЕДИАТОР: «Именно. Факт пятый: страховая компания Данилова выплатила Мельниковой 148 000 рублей. Подтверждается выпиской. Верно?»

СТОРОНА А: «Верно. Выплата в два этапа, точные даты приду в выписке.»

МЕДИАТОР: «Фиксируем общую сумму — сто сорок восемь тысяч. Факт шестой: независимая экспертиза, которую заказала Мельникова, оценивает восстановительный ремонт в 213 400 рублей. Подтверждается заключением. Верно?»

СТОРОНА А: «Верно.»

СТОРОНА Б: «А это заключение нормальное? Там расчёт по износу, цены какие-то низкие.»

МЕДИАТОР: «Это вопрос, который решается не здесь, а технически. И я хочу, чтобы вы оба услышали: я не буду сравнивать две методики расчёта и говорить, какая правильная. Это работа эксперта. Если Артём не доверяет заключению, у него два нормальных хода: заказать свою независимую экспертизу для сравнения или задать эксперту письменный вопрос и получить разъяснение по конкретным позициям. Могу ли я направить этот вопрос за вас обоих?»

СТОРОНА А: «Да, давайте. Только я тоже хочу свой вопрос, про УТС.»

СТОРОНА Б: «И я хочу спросить, почему ремонт на двести тринадцать тысяч, а страховая насчитала сто сорок восемь. Разница шестьдесят пять — это износ, и я не понимаю, кто эту разницу должен платить.»

МЕДИАТОР: «Отвечу сразу, потому что это ключевой вопрос. Износ удерживает страховая, потому что по закону об ОСАГО она возмещает вред с учётом износа заменяемых деталей. Но по общему правилу Гражданского кодекса вред причинителю вреда возмещается в полном объёме, то есть без износа, в натуральной форме или в деньгах, если натуральная форма невозможна. Разница между выплатой с износом и стоимостью ремонта без износа — это не недоимка страховой, это то, что может быть взыскано с причинителя вреда. Но, и это принципиально, взыскать её можно только через суд. Медиация — это и есть способ договориться об этой разнице без суда.»

СТОРОНА А: «Вот это мне и надо было услышать в марте.»

МЕДИАТОР: «А теперь неприятная часть. Артём, вы понимаете, что в суде Лариса взыщет с вас сорок пять тысяч по договору плюс судебные расходы, плюс неустойку за просрочку, плюс, возможно, компенсацию за неудобства, плюс расходы на экспертизу. И, что важнее, дело будет идти год, и оно будет публичным, и вы всё это время будете знать, что оно висит.»

СТОРОНА Б: «Я знаю.»

МЕДИАТОР: «И ваша страховая в этот год тоже не спит. Они видят запись о том, что вина не распределена, и это для них открытый вопрос регресса. Мы с вами обсуждали это в первой встрече, и я обещала, что спрошу у юриста. Вопрос остаётся: какая формулировка в соглашении для вас безопасна. Это как раз то, что мы будем вырабатывать в восьмой встрече.»

[Карта встречи зафиксирована: шесть фактов, обе оценки по вине, три денежные величины,

> договорённость не пересчитывать экспертизу в медиации, решение направить совместное письмо эксперту с двумя вопросами.]

Встреча 4. Разбор денег: счёт, который не сходится (90 минут)

МЕДИАТОР: «Сегодня только арифметика. Я прошу обеих сторон открыть документы, и мы пройдём по каждой позиции: откуда взялась цифра, чем подтверждается, признаёте ли вы её. Ничего не принимаем на веру, но и ничего не отвергаем голословно.»

СТОРОНА А: «У меня четыре позиции. Первая — разница между выплатой и ремонтом, шестьдесят пять тысяч четыреста. Вторая — утрата товарной стоимости, двадцать четыре тысячи восемьсот. Третья — аренда машины, девятнадцать тысяч шестьсот за одиннадцать дней, договор и чеки есть. И четвёртая, отдельным пунктом, — моральный вред, сорок тысяч. Итого сто девяносто тысяч четыреста сорок.»

СТОРОНА Б: «Итого сто девяносто тысяч. Это больше моей месячной зарплаты.»

МЕДИАТОР: «Давайте по порядку и по каждой позиции отдельно. Позиция первая: разница шестьдесят пять тысяч четыреста. Зафиксирована обеими сторонами как вытекающая из двух документов — выплаты и заключения. Артём, вы её признаёте как сумму, подлежащую обсуждению?»

СТОРОНА Б: «Признаю, что разница существует. Не признаю, что обязан её платить.»

МЕДИАТОР: «Это позиция, а не факт, я записываю. Лариса, вы настаиваете именно на этой цифре или готовы обсуждать способ, а не только размер?»

СТОРОНА А: «Готова обсуждать. Мне важно, чтобы разница была закрыта в принципе.»

МЕДИАТОР: «Хорошо, это ключевая фраза, я вернусь к ней в шестой встрече. Позиция вторая: утрата товарной стоимости, двадцать четыре тысячи восемьсот. Лариса, на чём основана цифра?»

СТОРОНА А: «Отдельное заключение, методика… там учитывается износ рыночной стоимости, марка и состояние. Я знаю, что методик несколько, но мне сделали расчёт, и в нём двадцать четыре тысяч восемьсот.»

СТОРОНА Б: «А если считать по другой методике, сколько получится?»

СТОРОНА А: «Я не знаю.»

МЕДИАТОР: «Никто не знает, и это нормально. Значит, у нас две честные позиции: цифра двадцать четыре тысячи восемьсот по применённой методике и неизвестная величина по другой. Предлагаю: в письме эксперту добавим третий вопрос — как методика влияет на величину и какая методика сейчас применяется в судебной практике. Не чтобы выбрать удобную, а чтобы обе стороны понимали диапазон.»

СТОРОНА А: «Хорошо.»

СТОРОНА Б: «Согласен, пусть скажет.»

МЕДИАТОР: «Позиция третья: аренда машины, девятнадцать тысяч шестьсот за одиннадцать дней. Подтверждается?»

СТОРОНА А: «Договор аренды и чеки, все есть.»

СТОРОНА Б: «А почему одиннадцать дней? Машина стояла, она же на ремонт ушла.»

СТОРОНА А: «Потому что квоты на ремонт не было, девять дней ждали, пока привезли запчасть. Вот справка из сервиса.»

МЕДИАТОР: «Тут я вижу две части. Первая: девять дней ожидания запчасти. Вторая: когда запчасть приехала, машину забрали, но она стояла ещё на покраске, потому что очередь. Какая

часть из одиннадцати дней ушла на то, что зависело от сервиса, а не от вашей вины?»

СТОРОНА А: «Примерно поровну. Пять на запчасть, шесть на покраску.»

МЕДИАТОР: «Это, к сожалению, правда — и это деталь, которая обычно не обсуждается, а потом обижает. Предложение: вы делите позицию на две части, и ту часть, которая не зависит от вашей вины, вы не заявляете. Или заявляете, но с меньшей суммой.»

СТОРОНА А: «Пять тысяч я могу забрать. То есть заявляю шесть, а требую пять.»

МЕДИАТОР: «Записываю: по аренде — пять тысяч шестьсот как разумная часть. Артём, готовы это обсуждать в сумме?»

СТОРОНА Б: «Обсуждать готов. Платёж — вопрос отдельно.»

МЕДИАТОР: «Позиция четвёртая: моральный вред, сорок тысяч. Я обещала вернуться к ней, возвращаюсь. Артём, ваша позиция?»

СТОРОНА Б: «Моральный вред за царапину на бампере — это, простите, оскорбление. У меня самого за неделю машину побили в пробке, я никуда не жаловался.»

СТОРОНА А: «У вас царапина, а у меня полтора месяца без машины и ребёнок, который боится машин.»

СТОРОНА Б: «Ребёнок — это ваш личный ущерб, я не виноват, что вы его в машину посадили в непогоду.»

МЕДИАТОР: «Стоп. Вы оба сейчас спорите не о сумме, а о справедливости вообще, и это быстро превращается в перепалку. Моё предложение по моральному вреду: не называть его моральным. Мы выведем его из денежного права и включим в общую сумму как компенсацию за неудобства — за одиннадцать дней без машины, за нервного ребёнка, за оформление документов. Это честнее технически и легче исполняется. В соглашении это будет выглядеть как часть общей суммы, а не как отдельное требование о нравоучении. Что скажете?»

СТОРОНА А: «Согласна, если это будет не тридцать тысяч, а сорок.»

СТОРОНА Б: «Тридцать.»

СТОРОНА А: «Тридцать пять.»

СТОРОНА Б: «Тридцать пять тысяч — это не «немного сверху», это новая позиция. Вы только что просили меня принять моральный вред, а теперь это компенсация за неудобства?»

МЕДИАТОР: «Артём, уточню, чтобы не было недоразумения: вы за одиннадцать дней предлагали шестьдесят тысяч. Тридцать пять — это меньше шестидесяти. Смотрите на общую картину, а не на отдельную строку.»

[Промежуточный счёт: разница 65 400 — признаётся как подлежащая обсуждению; УТС 24 800 — под вопросом методики; аренда — согласовано к обсуждению 5 600; компенсация за неудобства — в рабочем диапазоне 30 000–35 000. Стороны переходят к общей картине на шестой встрече.]

Встреча 5. Ключевое препятствие: почему он не хочет признавать (90 минут)

МЕДИАТОР: «Сегодня — про то, что держит всё. Артём, вы четыре недели говорите одну и ту же фразу: не хочу, чтобы было написано, что я виноват. Я хочу разобрать, что за этим стоит, потому что от этого зависит, какая конструкция вообще возможна.»

СТОРОНА Б: «Стоит то, что я водитель с двенадцатью стажем без единого ДТП. Страховая при продлении смотрит в историю. И ещё стоит то, что моя жена работает в школе, и если узнает — это… ну вы понимаете.»

МЕДИАТОР: «Понимаю. А что конкретно произойдёт, если в соглашении будет написано: Артём признаёт, что причинил вред?»

СТОРОНА Б: «Ну… это признание. Его покажут. И ещё это может лечь в КАСКО.»

МЕДИАТОР: «Скажите, а вы понимаете, что подпись под соглашением о возмещении вреда — это уже признание вашей причастности к ДТП? Что бы мы ни записали, в документе будет ваше имя, номер машины, дата и место. Текст можно сделать аккуратным, но сам факт подписи никуда не денется. Так что вопрос не «писать или не писать», а «как написать так, чтобы это было справедливо и технически безопасно для вас».»

СТОРОНА Б: «И вот тут я не понимаю, зачем вообще что-то признавать. Я ведь считаю, что виновата она.»

МЕДИАТОР: «Тогда давайте посмотрим на вашу позицию с другой стороны. Не с моей — с процессуальной. Если вина не будет установлена — ни вами, ни ГИБДД, ни судом — ваша страховая компания получает основание для регрессного требования к вам. Она выплатила сто сорок восемь тысяч, которые не покрыли ущерб, и теперь у неё на руках необеспеченный расход по вашему делу. Регресс — это её способ вернуть деньги. Взыскание идёт с вас, а не с неё, и вы это понимаете лучше меня.»

СТОРОНА Б: «Но если я подпишу признание — они же тогда ничего не взыщут, правильно? Или ещё что-то?»

МЕДИАТОР: «В том смысле, что признание вашей вины в отношении потерпевшего закрывает вопрос о том, на ком лежит ответственность, и снимает основание для регресса. Но точный механизм и условия я не могу расписать без юриста, и я не буду делать вид, что знаю. Это как раз тот предмет, который вы передадите юристу: пусть письменно ответит на три вопроса. Первый: предъявит ли моя страховая регрессное требование при данном протоколе и выплате. Второй: какая формулировка в соглашении с потерпевшим защищает меня от регресса. Третий: попадёт ли подписанное мной соглашение в историю выплат по полису и повлияет ли на продление КАСКО. Пока эти ответы не получены, мы не подпишем ничего.»

СТОРОНА Б: «Согласен. И в письме эксперту я тоже хочу спросить…»

МЕДИАТОР: «Это к вашему юристу, не к эксперту. Эксперту — по методике и цифрам.»

СТОРОНА Б: «Понял.»

МЕДИАТОР: «Теперь вторая часть. Лариса, у вас свой мотив: вы хотите, чтобы вас перестали считать виноватой. Давайте посмотрим, что для вас значит перестать.»

СТОРОНА А: «В протоколе написано, что я не соблюдала дистанцию. Это написано потому, что инспектор записал с моих слов — я так сказала на месте, когда меня расспрашивали, и сказала, чтобы не выглядеть виноватой. А получилось наоборот: теперь виновата я, а он — нет.»

МЕДИАТОР: «Вы сказали это на месте, чтобы не выглядеть виноватой. То есть фактически приняли

на себя часть обвинения, чтобы снять с себя основное.»

СТОРОНА А: «Получается, да. Я торопилась, Кирилл плакал, и я не подумала.»

МЕДИАТОР: «Вот это и есть точка, где медиация сильнее суда. В суде ваша запись в протоколе против вас, и переиграть её можно только жалобой и характеристикой. А здесь у вас есть то, чего нет ни у кого: вы можете описать обстоятельства так, как они были, и обе стороны могут подтвердить, что никто не отрицает сам факт маневрирования.»

СТОРОНА А: «То есть я не должна была это говорить?»

МЕДИАТОР: «Вы должны были сказать правду — то, что помните. Сказали, скорее всего, не то, что помнили, а то, что показалось безопаснее. Это человеческая реакция, а не преступление. Но теперь, раз мы разбираемся честно, нам надо понять, что вы помните на самом деле. Не для протокола. Для соглашения.»

СТОРОНА А: «Я помню, что стояла. Точно стояла, потому что подъехала за секунду до этого и ждала зелёный. Кирилл смотрел в окно на светофор. А потом она влетела, и я даже не успела понять, что произошло. Я слышала удар и сразу подумала: Кирилл, не смотри.»

МЕДИАТОР: «Артём, вы слышали? Лариса говорит: она стояла, ударили сзади сбоку, она не успела среагировать. Это ваша версия или другая?»

СТОРОНА Б: «Другая. Но… я не знаю. Я помню, что увидел её ближе, чем ожидал. Не в зеркале, а в этот момент, перед ударом. И ещё я помню, что её левое переднее колесо было примерно на середине полосы. И ударил я в левое крыло. Нет, в правое… Мы же в правый бок…»

МЕДИАТОР: «Остановитесь. Вы не обязаны сейчас вспоминать точную геометрию. Скажите только одно: вы утверждаете, что она двигалась перед ударом, или что нет?»

СТОРОНА Б: «Я утверждаю, что не помню точно. Я говорю, что она выезжала. Но если честно — я не видел её выезда. Я видел, как она уже близко.»

[Ключевой сдвиг встречи: ответчик впервые отказался от категоричной версии в пользу «не помню, но видел близко»; пострадавшая признала, что её запись в протоколе была сказана под влиянием ситуации и не соответствует её воспоминаниям; обе стороны подтвердили необходимость заключения юриста до подписания; сформирован перечень трёх вопросов юристу по регрессу.]

МЕДИАТОР: «Я фиксирую то, что произошло, и прошу не перебивать, потому что это важно для протокола нашей работы. Артём, вы только что отказались от своей версии в категоричной форме. Это не слабость, это реализм: вы не можете подтвердить то, чего не видели, а настаивать на несостоятельной версии в суде — значит потерять и деньги, и время, и репутацию заботливого водителя, которая вам дороже всего остального. Лариса, вы тоже отказались от своей записи в протоколе как от собственной позиции. Что остаётся? Факт: столкновение. Факт: маневр, приведший к удару. И вопрос: кто и как будет отвечать. Дальше мы обсуждаем только деньги.»

СТОРОНА А: «Я согласна. Только я всё равно хочу, чтобы было написано, что виноват он.»

МЕДИАТОР: «Я знаю. И вот моя честная позиция: я не могу вам гарантировать формулировку, которую напишет юрист, и не могу обещать, что суд её не переиначит. Но я могу обещать, что в соглашении будет зафиксировано, что причиной столкновения стало перестроение Артёма, и вы не будешь в нём автором чужой вины. Это я обещаю, потому что это соответствует тому, что обе стороны подтвердили: никто не отрицает маневр, и оба признают, что он привёл к удару.»

Встреча 6. Поиск вариантов (90 минут)

МЕДИАТОР: «У меня перед вами три варианта, и я не буду рекомендовать ни один в угодной мне форме. Я покажу, что каждая покупка кому и что даёт и чего стоит. После этого вы выбираете сами, а я помогу вам сравнить.»

МЕДИАТОР: «Вариант первый — полный расчёт. Сумма сто девяносто тысяч четыреста сорок: разница шестьдесят пять тысяч четыреста, УТС двадцать четыре тысячи восемьсот по методике из заключения, аренда пять тысяч шестьсот, компенсация за неудобства сорок тысяч. Выплата в течение пятнадцати дней одним переводом. Что это даёт: Артём, вы закрываете вопрос полностью и сейчас, а не через год в суде. Что это стоит: вам нужна вся сумма сразу, и при вашей зарплате это три месяца без отложенного.»

СТОРОНА Б: «Я могу собрать. Но если я не соберу за пятнадцать дней, что тогда?»

МЕДИАТОР: «Тогда ваши шестьдесят тысяч остались бы при вас, и вы бы жили с открытым делом ещё год. В этом и смысл: вы платите больше, но покупаете определённость. Что это даёт вам, Лариса: полная сумма, никакого риска, никакого суда.»

СТОРОНА А: «Мне этот вариант нравится. Полная сумма.»

СТОРОНА Б: «А зачем тогда вообще что-то обсуждать, если она сразу говорит, что первый вариант и только он?»

МЕДИАТОР: «Потому что вы оба ещё не видели третий, а третий — единственный, который даёт и то, и другое. Вариант второй: рассрочка на три части. Тот же расчёт, но выплата: часть первая — сорок тысяч в течение двух недель, часть вторая — сорок пять тысяч через месяц, часть третья — пять тысяч четыреста через два месяца, итого та же сумма плюс в соглашении фиксируется неустойка за просрочку. Что это даёт вам, Артём: вы платите частями, и ваша платёжеспособность не создаёт для Ларисы риска, потому что она получает деньги раньше. Что это стоит: у Ларисы появляется риск, что вторая часть не придёт и ей снова придётся идти в суд, то есть мы вернёмся к началу.»

СТОРОНА А: «Этот вариант мне не нравится. Я не хочу опять ждать.»

СТОРОНА Б: «И при этом вы не согласны, чтобы он платил всё сразу.»

СТОРОНА А: «Я не согласна ждать, потому что в прошлый раз мне уже платили два месяца и не выплатили с первого раза, а тут ещё и часть может не прийти. Я хочу гарантию.»

СТОРОНА Б: «Я не могу гарантировать то, чего у меня нет. Мои деньги ограничены зарплатой и кредитом на машину.»

МЕДИАТОР: «Вот теперь мы в ядре. Обе фразы — правда. И обе упираются в одно: кто за что отвечает в этой сделке. Смотрите на третий вариант — разделение предмета. Разница между выплатой и ремонтом — шестьдесят пять тысяч четыреста — это предмет, за который отвечает Артём и за который у него личная ответственность перед вами, Лариса. А УТС, аренда и компенсация за неудобства — это то, что в суде вы бы и не выиграли в полном объёме, это предмет, где вы оба можете договориться о меньшем без потери для обеих сторон. Предлагаю так: шестьдесят пять тысяч четыреста — в течение пятнадцати дней, одним переводом, без рассрочки. Всё остальное — тридцать пять тысяч — частями по вашей способности, в течение четырёх месяцев, с фиксированной датой каждого платежа и фиксированной неустойкой за просрочку.»

СТОРОНА Б: «То есть вы предлагаете мне шестьдесят пять сразу — а это как раз самая тяжёлая часть.»

МЕДИАТОР: «Артём, я предлагаю вам увидеть логику: именно то, что юридически тяжелее всего защитить в суде, вы закрываете быстро и без риска, а то, что в суде и так не выиграть в полном объёме, — постепенно и добровольно. Для Ларисы это обмен: она получает гарантированную часть

быстро, а не обещает, что получит всё когда-нибудь.»

СТОРОНА А: «А если он не заплатит вторую часть?»

МЕДИАТОР: «Тогда у вас будет первая часть, документ с датами и подписью, и право на принудительное исполнение по суду — но это будет уже не год переговоров, а полгода исполнения, потому что сумма маленькая и решение простое. Давайте я спрошу жёстче: что для вас важнее — получить девяносто тысяч с риском неполноты, или получить шестьдесят пять тысяч гарантированно и остальное по частям, но гарантированно?»

СТОРОНА А: «Гарантированно. Пусть будет как он предлагает. Только… я хочу, чтобы в соглашении было написано, что именно его маневр стал причиной. Иначе он через месяц позвонит и скажет, что это была я.»

СТОРОНА Б: «Я не буду звонить и говорить, что это была вы. Я не буду звонить вообще.»

МЕДИАТОР: «Вот это, Артём, именно то, чего я добивалась: вы только что сказали вслух, что не хотите, чтобы ваше имя стояло рядом с виной. Значит, ваш вклад в соглашение — не сумма, а формулировка. А ваш вклад в риск — сумма. Лариса, предлагаю зафиксировать: вы принимаете разбивку на две части, а взамен получаете в соглашении прямую фиксацию обстоятельств. Что вы получаете взамен именно формулировки, которую вы так хотите?»

СТОРОНА А: «Записку, что виноват он. Ну, или хотя бы признание манёвра.»

МЕДИАТОР: «Признание манёвра. Это и есть технически правильная форма: стороны признают, что ДТП произошло в результате маневрирования автомобиля Škoda Octavia, и фиксируют, что именно этот маневр является причиной столкновения и причинения вреда. Отдельно, по вашей просьбе, я внесу в соглашение пункт о признании обстоятельств вашей остановки и о том, что расстояние до вашего автомобиля было безопасным, — но только в той формулировке, которую одобрит юрист. И обе стороны подпишутся под этим, включая Артёма. Договорились?»

СТОРОНА Б: «Не совсем. Если там будет написано, что расстояние было безопасным, то это уже признание, что удар был с моей стороны.»

МЕДИАТОР: «Артём, прямо отвечаю: да, в части причины — да. В этом весь смысл конструкции. Вопрос стоит не в том, будет ли в документе фраза о причине, а в том, будет ли она там в форме «Артём признаёт себя виновным» — от которой вы отказались, — или в форме технического описания маневра. Я предлагаю второе, и я считаю, что для ваших целей — снять регресс и не портить историю вождения — второе работает лучше. Но решать вам, и решать лучше с юристом, чем со мной.»

СТОРОНА Б: «Хорошо. Я беру юриста. Сколько это стоит, примерно?»

МЕДИАТОР: «Я не знаю и не буду выдумывать сумму. Скажу только: вы откладываете эту встречу на неделю, и я не настаиваю на том, чтобы вы подписали что-либо сегодня. Соглашение без проверки юристом для вас дороже, чем неделя ожидания. Договорились, что до следующей встречи у вас будет заключение юриста по трём вопросам, а у нас — письмо эксперту с ответами по трём цифрам?»

СТОРОНА А: «Договорились.»

СТОРОНА Б: «Договорились.»

[Зафиксировано: рабочая конструкция — разбивка предмета на быструю гарантированную часть и гибкую часть; принято решение о параллельных письмах эксперту и юристу; формулировка о причине в технической, а не в признавательной форме.]

Встреча 7. Детали и реализуемость (90 минут)

МЕДИАТОР: «Сегодня мы превращаем договорённость в вещи, которые можно исполнить. Пока мы этого не сделали, у нас есть только разговор. Правило: если условие можно выполнить двумя способами, в соглашении должен быть указан один.»

СТОРОНА А: «Сумма — девяносто тысяч?»

МЕДИАТОР: «Стоп. Мы ещё не согласовали итоговую сумму, и я хочу, чтобы это было сделано осознанно. Рабочая база сейчас такая: шестьдесят пять тысяч четыреста — разница между выплатой и ремонтом, быстрый платёж, пятнадцать дней. Плюс тридцать пять тысяч — гибкая часть. Итого сто тысяч четыреста. Плюс отдельно двадцать четыре тысячи восемьсот УТС и пять тысяч шестьсот аренда — но по ним мы ждём ответа эксперта. Если эксперт подтвердит цифру УТС и разумность пяти тысяч шестисот, общая сумма будет сто девяносто тысяч четыреста. Пока это не факт, пока это база для обсуждения. Артём, ваша реакция на сто тысяч четыреста?»

СТОРОНА Б: «Одна цифра, к которой я могу подойти, — девяносто тысяч. Дальше не получится, это моя реальность.»

МЕДИАТОР: «Ларис, а ваша реакция на девяносто тысяч?»

СТОРОНА А: «Я скажу честно: разница между девяносто тысячами и сто девяносто тысячами — это двадцать пять тысяч за одиннадцать дней без машины. Для меня это много, но я не буду делать вид, что это вопрос принципа. Принцип — это чтобы разница между выплатой и ремонтом была закрыта. С этими шестьюдесятью пятью тысячами — да, ради этого я готова на уступку по остальному.»

СТОРОНА Б: «Вот это я и хотел услышать. Тогда моя финальная цифра — девяносто тысяч ровно. Идёт?»

СТОРОНА А: «Идёт, если остальное так, как мы обсуждали: шестьдесят пять быстро, остальное частями.»

СТОРОНА Б: «Тогда я даю вам другую структуру, которую мне реально потянуть: шестьдесят пять тысяч сразу, и оставшиеся двадцать пять — не помесячно, а четыре платежа по шесть тысяч двести пятьдесят. Нет, стоп, это плохо, это меньше, чем я плачу по кредиту за машину…»

МЕДИАТОР: «Артём, вы сейчас сделали полезную вещь: вы назвали свои ограничения вслух. Давайте посчитаем вместе, без давления. Ваш доход — сколько вы можете отдавать без риска для семьи?»

СТОРОНА Б: «Зарплата сто двадцать тысяч, жена — сорок, ипотека двадцать пять, кредит за машину четырнадцать тысяч ещё на два года, коммуналка и еда тысяч двадцать. Итого свободных остаётся тысяч тридцать.»

МЕДИАТОР: «Значит, шестьдесят пять тысяч сразу — это больше, чем два месяца вашей свободной суммы. Это нереалистично, и я не хочу подписывать соглашение, которое вы нарушите на второй платёж. Предлагаю пересобрать так: сорок тысяч в течение пятнадцати дней — это то, что для вас выполнимо без риска для семьи, и это закрывает самую тяжёлую для Ларисы часть. Остальные пятьдесят тысяч — четырьмя платежами по двенадцать пять тысяч через месяц, два, три и четыре.»

СТОРОНА Б: «Двенадцать пять тысяч в месяц я могу. Но тогда общий срок — четыре месяца. Вы согласны ждать четыре месяца?»

СТОРОНА А: «Четыре месяца — да. Первый платёж сорок тысяч в течение двух недель, дальше частями, и письменно. Но я хочу две вещи: во-первых, если вы просрочите хоть один платёж, я имею право получить всё остальное сразу, без разбирательств. Во-вторых, пока деньги не выплачены полностью, я не отказываюсь от претензий.»

СТОРОНА Б: «Первое принимаю. Второе — то есть если я не заплачу всё, у вас остаётся право подать в суд на всю сумму плюс неустойку?»

МЕДИАТОР: «Да, и это правильно. Но обратите внимание на разницу: сейчас вы не платите вовсе и живёте с открытым делом. По новой схеме вы за четыре месяца закрываете вопрос, и если задержитесь на месяц — у Ларисы есть подписанный документ, по которому она взыскивает остаток. Риск для вас резко меньше, а для неё — тоже: вместо суда с нуля она идёт в суд с готовым расчётом.»

СТОРОНА А: «Неустойку какую ставим?»

МЕДИАТОР: «Предлагаю ноль целых одной десятой процента в день от неуплаченной суммы за каждый день просрочки, и она не должна превышать десяти процентов от суммы платежа. Это рыночная, не пугающая цифра, и она работает: вам невыгодно задерживаться, а ей не нужно судиться из-за мелочи.»

СТОРОНА Б: «Ноль одной десятой — нормально.»

СТОРОНА А: «Нормально.»

МЕДИАТОР: «Теперь способ. Переводом на карту или счёт? Я настаиваю, чтобы в назначении платежа было написано: возмещение вреда по соглашению от такого-то числа, без признания вины. Зачем: это снимает вопросы по налогу у обеих сторон и это потом аргумент, если вдруг кто-то из вашего круга попытается пересказать это как признание вины.»

СТОРОНА Б: «А «без признания вины» — это ведь противоречит тому, что мы хотим записать про маневр?»

МЕДИАТОР: «Нет, не противоречит. Это разные утверждения: первое — описание механики столкновения и о том, что причиной стал маневр; второе — о том, что стороны не признают вину в уголовно-правовом или административном смысле. В соглашении о возмещении вреда вина вообще не требуется, там нужен факт причинения вреда и согласие на его возмещение. Юрист проверит формулировку, но по структуре она рабочая.»

СТОРОНА А: «Я не хочу «без признания вины». Я хочу, чтобы он признал маневр.»

СТОРОНА Б: «Лариса, давайте так: если я напишу, что маневр стал причиной, это и будет признание маневра. Слово «виноват» — это для суда и для ГИБДД, а не для нас.»

СТОРОНА А: «Хорошо. Тогда без слова «виноват», но с описанием маневра.»

МЕДИАТОР: «Фиксирую. Теперь самый неприятный пункт — отказ от претензий. Лариса, как он должен звучать?»

СТОРОНА А: «Я не отказываюсь от претензий, пока не получу всё. А когда получу — отказываюсь от всех требований к Артёму по этому ДТП. В том числе к его страховой. Если он потом через год принесёт мне счёт за регресс — я не должна снова отвечать.»

СТОРОНА Б: «Она права: я ведь могу привлечь свою страховую в порядке регресса, а страховая может обратиться к ней как к потерпевшему. Это, кстати, ещё один аргумент за то, чтобы подписать соглашение, а не тянуть суд.»

СТОРОНА А: «Вот именно. Мне нужно, чтобы после полной оплаты вопрос был закрыт для меня окончательно, включая любые обращения страховой.»

МЕДИАТОР: «Хорошо. Формулировка: отказ от требований с момента получения последнего платежа, с указанием, что он распространяется на требования к Артёму Данилову и к страховой компании, и что до полной оплаты отказ не действует. Артём, это для вас приемлемо?»

СТОРОНА Б: «Приемлемо. Но я хочу добавить: подписание соглашения не является признанием мной вины в ДТП и не может использоваться как подтверждение вины ни в ГИБДД, ни в страховой, ни в суде.»

СТОРОНА А: «Ой, а вот это я не хочу. Это может обнулить всё.»

МЕДИАТОР: «Стоп, здесь я вас остановлю, и это не моя прихость. Такая оговорка — это попытка заранее обезвредить признание в чужом процессе. Если суд потом примет это соглашение в качестве доказательства и вы начнёте говорить, что там написано «не признание вины», против вас же и сработает: суд увидит, что стороны сами не понимали, что подписывали. Правильнее идти к юристу с этим вопросом и сформулировать так, чтобы документ был честным: мы фиксируем обстоятельства, и не делаем вид, что обстоятельств не было. Моя рекомендация: не включать оговорку о непризнании вины вообще, а включить оговорку о том, что соглашение составлено для целей урегулирования и не является публичным признанием для третьих лиц — но точный текст должен написать юрист, а не мы с вами.»

СТОРОНА А: «Вы сейчас сказали, что моя запись в протоколе может мне навредить?»

МЕДИАТОР: «Я сказала, что запись в протоколе — это ваша позиция в возможном суде, и что вы должны были говорить то, что помните. Я не оцениваю, принесёт ли она вам вред: это вопрос юриста. Но ваша фраза про «может обнулить» показывает, что вы боитесь не реакции мужа, а документа. И документ мы сейчас сделаем честно.»

[Зафиксировано: итоговая база 90 000 руб.; структура — 40 000 в течение 15 дней и четыре платежа по 12 500 ежемесячно; неустойка 0,1% в день, не более 10% от суммы платежа; отказ от претензий с момента получения последнего платежа, без признания вины; платежи безналичным переводом с назначением; спорная оговорка о непризнании вины снята, вопрос передан юристу.]

Встреча 8. Репетиция и возражения (90 минут)

МЕДИАТОР: «Сегодня мы репетируем. Я прочитаю вслух то, что предлагаю подписать, и вы будете меня останавливать на каждом абзаце. Это девятый смысл нашей работы: чтобы ни у кого из вас не было сюрприза на подписании. Кто отказывается — тот заранее знает, где споткнётся.»

МЕДИАТОР: «Пункт первый. Предмет соглашения: возмещение имущественного вреда, причинённого автомобилю Kia Rio в результате ДТП, произошедшего 14 марта 2026 года на перекрёстке Веденяпина и Профсоюзной. Пункт второй. Стороны признают обстоятельства столкновения: автомобиль Škoda Octavia под управлением Артёма Данилова в момент ДТП выполнял маневр перестроения в направлении полосы следования автомобиля Kia Rio под управлением Ларисы Мельниковой, находившейся на пересечении; данный маневр является причиной столкновения и причинения вреда. Пункт третий. Артём Данилов обязуется уплатить Ларисе Мельниковой девяносто тысяч рублей. Пункт четвёртый…»

СТОРОНА Б: «Подождите. "Маневр перестроения" — я всё-таки не перестраивался. Я ехал в своей полосе.»

МЕДИАТОР: «Артём, мы с вами обсуждали это в пятой встрече. Ваша позиция изменилась: вы сказали, что не видели её выезда и что видели её уже близко. Ваша категорическая версия не подтверждается ничем, кроме вашего ощущения, и в суде она стоила бы вам дороже, чем признание манёвра. Нужно, чтобы вы услышали это вслух: медиация работает не с тем, что вам хочется написать, а с тем, что вы можете подтвердить. Маневр — это единственная формулировка, которую вы можете подтвердить, и которую вы можете подписать, не соврав.»

СТОРОНА Б: «Я могу подписать, что я двигался в своей полосе и она выехала. Но "перестроение"…»

СТОРОНА А: «Артём, а что я должна подписать? Что я стояла с нарушением дистанции? Вот это я подписывать не буду.»

СТОРОНА Б: «И я не буду подписывать, что виноват.»

МЕДИАТОР: «Никто не подписывает, что виноват. Читаем дальше: пункт второй говорит, что маневр перестроения стал причиной столкновения. Это описание механики, а не приговор. Оно совместимо с тем, что вы ехали в своей полосе: перестроение — это и есть движение из одной полосы в другую, вы заканчивали его в момент удара. Вам не нужно признавать, что начали перестроение осознанно, чтобы соглашение было честным.»

СТОРОНА Б: «Но это будет в моей истории навсегда.»

МЕДИАТОР: «Артём, давайте проверим это утверждение фактами. Ваша история навсегда меняется уже сейчас: страховая вам выплатила по этому ДТП, значит, запись о нём в вашей страховой истории уже существует. Вопрос не в том, будет ли запись, а в том, будет ли она с признанием вины или с фиксацией факта. Разница между ними — это и есть то, что мы сейчас обсуждаем, и это стоит вам примерно сорока тысяч, которые вы сегодня не хотите отдавать, и года суда, который вы сегодня боитесь. Я не могу обещать, что записи не будет. Я могу обещать, что мы не сделаем её хуже, чем нужно.»

СТОРОНА Б: «Пусть будет. Но я хочу, чтобы в соглашении было: "стороны не считают данный документ признанием вины в смысле законодательства об ОСАГО и административной ответственности".»

МЕДИАТОР: «Вернитесь к тому, о чём мы говорили: это вопрос юриста, и я против такой формулировки, потому что она противоречит духу пункта второго. Сформулируйте это мягче: стороны фиксируют обстоятельства исключительно для целей урегулирования и не используют настоящее соглашение в качестве подтверждения или опровержения вины в производстве по третьим лицам. Это честная формулировка: она не запрещает вам использовать документ для защиты от регресса, но и не превращает его в оружие против вас.»

СТОРОНА А: «Мне подходит.»

СТОРОНА Б: «Ну… ладно.»

МЕДИАТОР: «Двигаемся. Пункт третий: девяносто тысяч рублей. Пункт четвёртый: срок — первый платёж сорок тысяч в течение пятнадцати календарных дней с даты подписания; оставшиеся пятьдесят тысяч — четырьмя равными платежами по двенадцать тысяч пятьсот рублей ежемесячно, первый из них через месяц после подписания, далее ежемесячно до полного расчёта. Пункт пятый: способ — перевод на расчётный счёт Мельниковой с указанием назначения платежа. Пункт шестой: неустойка за просрочку. Пункт седьмой: отказ от претензий. Пункт восьмой: конфиденциальность. Пункт девятый: ответственность за нарушение — в пределах, установленных законом. Пункт десятый: споры по исполнению рассматриваются в суде по месту жительства ответчика.»

СТОРОНА А: «Пункт десятый: почему по вашему месту жительства? Я живу в Химках.»

МЕДИАТОР: «Потому что иск подаёт пострадавший, а подсудность по общему правилу определяется по месту жительства ответчика, и мы не тратим силы на подсудность, если обе стороны в этом не разбираются. Мы уточним у юриста, нет ли смысла выбрать другую подсудность, но в соглашении лучше поставить формулу, которая точно работает, чем ту, которая кажется удобнее.»

СТОРОНА Б: «А я бы предпочёл, чтобы в Москве. Всё равно работаю в Москве.»

МЕДИАТОР: «Тогда мы напишем: по месту жительства ответчика либо по месту заключения соглашения, если ответчик в момент подачи иска проживает в другом регионе. Юрист проверит формулу, но смысл в том, чтобы иск не отменили из-за подсудности. Хорошо. Теперь конфиденциальность. Лариса, у вас с этим как?»

СТОРОНА А: «У меня с этим плохо. Уже в чате нашей родительской группы написали, что я виновата и что у меня сын теперь боится машин. Половина мам написали в личку. Мне нужно, чтобы это прекратилось.»

СТОРОНА Б: «А я не хочу, чтобы это всплыло в школе, где жена работает. Там все узнают за день.»

МЕДИАТОР: «Значит, конфиденциальность взаимная и практическая. Формулировка: стороны обязуются не распространять сведения о содержании соглашения и об обстоятельствах ДТП, за исключением случаев, когда раскрытие необходимо для защиты прав в суде, в страховой компании или в государственных органах. И отдельно, чтобы это работало в вашей конкретной ситуации, я предлагаю совместное сообщение: короткий текст для родительского чата от вас обеих, в котором сказано, что вопрос закрыт по обоюдному согласию и что просить других о неё не нужно. Согласны?»

СТОРОНА А: «Я напишу сама, но я хочу, чтобы он был нейтральный. Без слова «виноват».»

СТОРОНА Б: «И я не хочу там ни слова про то, что я… ладно, нейтральный. Но я не хочу, чтобы там было сказано, что ДТП произошло по моей вине.»

МЕДИАТОР: «Тогда текст будет про факт: дорожно-транспортное происшествие, ущерб урегулирован, конфликт исчерпан, просьба не обсуждать. Обеим подписать. Это защитит вас обоих лучше, чем любое соглашение.»

СТОРОНА Б: «Хорошо.»

МЕДИАТОР: «И последнее возражение, которое я жду от вас, Артём. Что будет, если вы не заплатите второй платёж?»

СТОРОНА Б: «Ну… я заплачу.»

МЕДИАТОР: «Я не спрашиваю, заплатите ли вы. Я спрашиваю, что происходит, если не заплатите.

Потому что в этот момент у Ларисы должен быть понятный инструмент, а у вас — понятная цена.»

СТОРОНА Б: «Лариса подаёт в суд, получает остаток и неустойку, и всё это готовит к исполнению приставы.»

МЕДИАТОР: «Верно. И ещё: судя по тому, что мы делали, ваша позиция в суде будет сильной, потому что у вас будет соглашение, в котором вы признали маневр. Это уже половина дела. То есть просрочка — это не просто долг, это проигрыш вашей позиции в суде. А теперь Лариса: что будет, если Артём заплатит всё вовремя?»

СТОРОНА А: «Я не буду ничего предъявлять. Ни ему, ни его страховой. И я обещаю то же самое в родительском чате.»

[Проработаны формулировки разделов о предмете, обстоятельствах, сумме, сроках, способе платежа, неустойке, отказе от претензий, конфиденциальности и подсудности; отработаны возражения против признания; сформировано задание юристу по трём вопросам и письмо эксперту.]

Встреча 9. Финальная сверка: проверка на исполнимость (90 минут)

МЕДИАТОР: «Сегодня мы ничего не придумываем. Только проверяем: выполнимо ли то, о чём договорились, и как именно это будет выглядеть в жизни. Я буду задавать неудобные вопросы, а вы отвечайте честно.»

МЕДИАТОР: «Артём, вопрос первый: откуда в день подписания возьмутся сорок тысяч? Не «в принципе», а откуда именно.»

СТОРОНА Б: «У меня на карте сейчас двадцать восемь тысяч. До зарплаты одиннадцать дней. Я могу попросить мать, это её деньги, она даст. И ещё у меня есть ремонт отложенный, я его не делал — на нём пятнадцать тысяч.»

МЕДИАТОР: «Это уже ответ: двадцать восемь тысяч на карте, пятнадцать тысяч отложенного ремонта, плюс десять тысяч от матери. Тридцат восемь плюс. Хватает сорока. Только давайте договоримся: если от матери будет отказ, вы не будете тянуть с датой, а напишете мне и Ларисе в тот же день. Медленная просрочка хуже быстрой просрочки: она разрушает доверие, которое сейчас стоит дороже денег.»

СТОРОНА Б: «Напишу.»

МЕДИАТОР: «Лариса, вопрос: вы точно можете принять четыре платежа по двенадцать тысяч пятьсот, а не попросить об изменении графика через три месяца, когда ваш работодатель задержит аванс?»

СТОРОНА А: «Я могу. У меня оклад стабильный, я никогда не задерживаю платежи по кредиту.»

МЕДИАТОР: «Хорошо. Вопрос третий, и он неудобный: что будет, если одна из сторон передумает? Артём, вы можете передумать платить — это вопрос воли. Но можете ли вы передумать иначе: прийти к юристу и попытаться оспорить соглашение, сказав, что вас ввели в заблуждение?»

СТОРОНА Б: «Нет. Я не буду этого делать. Мне стыдно, и незачем мне ссора с человеком, у которого ребёнок в машине был.»

СТОРОНА А: «А я? Могла бы я сказать, что меня ввели в заблуждение насчёт суммы? Нет. Мне важно закрыть вопрос. Я не хочу, чтобы это висело ещё год.»

МЕДИАТОР: «Вот это и есть настоящий признак качественной сделки: обе стороны заинтересованы в том, чтобы соглашение работало. Когда соглашение нужно защищать, оно уже сломалось.

[Медиатор переходит к технической сверке: реквизиты, формулировка назначения платежа, дата подписания как начало течения сроков.]

МЕДИАТОР: «Теперь про даты. Мы говорим: пятнадцать календарных дней с даты подписания. Подписание будет в четверг. Значит, первый платёж до конца следующего четверга, а первый из четырёх платежей по двенадцать тысяч пятьсот — ровно через месяц после подписания, то есть в тот же день следующего месяца. Дальше — ежемесячно в те же даты, четыре платежа. Всего пять переводов, пять подтверждений, пять строк в переписке. Никакой бумаги, кроме самого соглашения. Важно, чтобы переводы шли именно так, как написано, потому что при любом споре первое, что посмотрит судья, это даты.»

СТОРОНА Б: «А если я переведу на две тысячи больше? Тогда не придётся ничего досылать.»

МЕДИАТОР: «Прекрасная идея. Давайте так и запишем: первый платёж — сорок тысяч, а в конце срока, на последний платёж, вы кладите ровно двенадцать тысяч пятьсот. Всё, никаких «примерно». И отдельно договоримся: никаких переводов «сколько получится» и никаких переводов по частям без согласования — потому что частичные платежи потом невозможно соотнести с графиком.»

СТОРОНА А: «Хорошо. И ещё, я хочу видеть каждый платёж. Пусть он присылает подтверждение в тот же день.»

СТОРОНА Б: «Буду присылать.»

МЕДИАТОР: «Вопрос пятый. Что, если у Артёма внезапно случится то, что может случиться с любым человеком: болезнь, потеря работы, семейный кризис? Мы это обсуждаем не для того, чтобы обесценить договорённость, а чтобы она не рухнула из-за несчастного случая.»

СТОРОНА Б: «Вы имеете в виду, что если у меня проблемы, я могу не платить?»

МЕДИАТОР: «Нет. Я имею в виду, что если такие обстоятельства возникнут, вы не будете прятаться, а сразу скажете: вот что случилось, вот мой график на следующий месяц. Соглашение можно пересмотреть по доброй воле сторон — это не отказ от обязательства, а его исполнение по-человечески. А вот молчание и исчезновение — это уже разрушение.»

СТОРОНА А: «Согласна. Если он напишет, что тяжело, я подожду. Но если он просто перестанет платить без объяснения — тогда всё, к юристу.»

СТОРОНА Б: «Я не перестану.»

МЕДИАТОР: «Вопрос шестой, юридический, и он требует честности. Артём, вы говорите, что вам нужно одобрение юриста перед подписанием. Что если юрист скажет, что формулировка про маневр вас подставляет, и предложит убрать её совсем?»

СТОРОНА Б: «Тогда я… подумаю.»

СТОРОНА А: «Тогда я не подпишу. Без этого пункта мне не нужен весь остальной разговор.»

МЕДИАТОР: «Вот это ключевой риск, и я рада, что он назван вслух, а не всплыл в последний день. Давайте посмотрим на него трезво. Вариант без пункта об обстоятельствах: соглашение о выплате девяноста тысяч без объяснения, почему. Артём, что это для вас?»

СТОРОНА Б: «Это дешёвый вариант. Мне не надо ничего признавать, и регресс остаётся вопросом.»

МЕДИАТОР: «Верно. Вариант с пунктом: вы признаете причиной столкновения свой маневр, и это снимает вопрос о распределении ответственности перед потерпевшим. Лариса, что это для вас?»

СТОРОНА А: «Это то, ради чего я шесть недель ждала.»

СТОРОНА Б: «Тогда я не буду рисковать. Я найду юриста за три дня, и если он скажет, что пункт в мою пользу, — подписываем.»

МЕДИАТОР: «Хорошо. И если юрист скажет, что пункт нужно уточнить формулировкой, мы уточним — я перепишу раздел в течение одного дня. Мы договорились, что подписание происходит не позднее чем через десять дней после нашей следующей встречи, иначе процесс начнёт остывать, а с остывшим процессом всё дальше тяжелее договариваться.»

СТОРОНА А: «Договорились. И я прошу: пока ждём юриста, не обсуждайте дело в чатах, ни с кем.»

СТОРОНА Б: «Не буду.»

МЕДИАТОР: «И последнее. Леди, этот разговор — а точнее, этот процесс — вошёл в вашу жизнь как чужое дело. Мне важно, чтобы он не оставил след. Если вам понадобится консультация по тому, как защитить себя в суде, или если вам понадобится юрист, — скажите, я помогу найти. Соглашение заканчивается деньгами, а не уверенностью. Иногда нужно и то, и другое.»

[Итог сверки: подтверждена исполнимость по платёжеспособности, проверены реквизиты и даты, отработан сценарий просрочки и сценарий непредвиденных обстоятельств, выявлен главный риск

> — несогласие юриста ответчика с формулировкой; стороны согласовали срок подписания в десять дней.]

Встреча 10. Подписание соглашения и передача на исполнение (90 минут)

МЕДИАТОР: «Мы у финиша. Прежде чем подписывать, я прочитаю соглашение вслух целиком. Если что-то звучит не так, мы останавливаемся и правим. Документ, который вы подписываете не понимая, не работает никогда.»

МЕДИАТОР: «Соглашение о возмещении имущественного вреда, причинённого в результате дорожно-транспортного происшествия. Город Москва, дата. Стороны: с одной стороны Данилов Артём Владимирович, паспорт выдан в городе Москве, адрес регистрации в городе Москве, водитель транспортного средства Škoda Octavia, государственный регистрационный номер такой-то; с другой стороны Мельникова Лариса Владимировна, паспорт выдан в городе Химках, адрес регистрации в городе Химках, владелец транспортного средства Kia Rio, государственный регистрационный номер такой-то. Пункт первый. Предмет соглашения: урегулирование требований Мельниковой к Данилову о возмещении имущественного вреда, причинённого повреждением автомобиля Kia Rio в результате ДТП, произошедшего 14 марта 2026 года около 18 часов на перекрёстке Веденяпина и Профсоюзной улицы в городе Москве. Пункт второй. Обстоятельства: стороны признают, что столкновение произошло в результате маневра перестроения автомобиля Škoda Octavia под управлением Данилова в направлении полосы следования автомобиля Kia Rio, находившегося на пересечении; указанный маневр является непосредственной причиной столкновения и причинения вреда автомобилю Kia Rio. Пункт третий. Размер возмещения: 90 000 рублей. Пункт четвёртый. Порядок и сроки: первый платёж 40 000 рублей переводом на расчётный счёт Мельниковой в течение 15 календарных дней с даты подписания; далее четыре платежа по 12 500 рублей ежемесячно, первый — через месяц с даты подписания, последующие — в те же даты следующих месяцев. Пункт пятый. Назначение платежа: возмещение имущественного вреда по настоящему соглашению. Пункт шестой. Ответственность за нарушение: неустойка 0,1 процента от неуплаченной суммы за каждый день просрочки, но не более 10 процентов от суммы просроченного платежа. Пункт седьмой. Отказ от требований: Мельникова отказывается от требований к Данилову и к страховщику Данилова по данному ДТП с момента получения последнего платежа; до получения полной суммы отказ не действует. Пункт восьмой. Конфиденциальность. Пункт девятый. Настоящее соглашение составлено для целей урегулирования между сторонами и не является подтверждением или опровержением вины в производстве по третьим лицам. Пункт десятый. Споры разрешаются в суде по месту жительства ответчика. Пункт одиннадцатый: соглашение вступает в силу с момента подписания, в двух экземплярах по одному для каждой стороны.»

МЕДИАТОР: «Артём, вы слушаете?»

СТОРОНА Б: «Слушаю. Вопрос: пункт девятый — это то же, о чём мы спорили? Вы не вернули мою формулировку про непризнание вины.»

МЕДИАТОР: «Нет, я не вернула. Это ваша формулировка о том, что соглашение не признаёт вину, но в мягком варианте: соглашение составлено для целей урегулирования и не является подтверждением или опровержением вины. Разница принципиальная. Ваша версия говорила бы: вины нет. Эта говорит: мы здесь не занимаемся виной. Для вашей страховой это работает и для вас, и для Ларисы. Слово «урегулирования» — ключевое, его в вашей версии не было.»

СТОРОНА Б: «Юрист сказал, что так лучше. Ладно.»

МЕДИАТОР: «Лариса, ваш вопрос по пункту седьмому: отказ действует только после полной оплаты. Вы согласны?»

СТОРОНА А: «Согласна. Но я прошу добавить: если он оплатит всё досрочно, отказ вступает в силу с даты последнего платежа, а не по истечении срока. А то получается, я должна ждать конца четвёртого месяца, даже если деньги придут раньше.»

МЕДИАТОР: «Справедливое уточнение, вносим. Пункт седьмой читается так: отказ вступает в силу с датой зачисления последнего платежа на счёт Мельниковой. Артём, возражений нет?»

СТОРОНА Б: «Нет.»

МЕДИАТОР: «Последний вопрос, и он про меня. Вы оба знаете, что я не юрист и не даю юридических заключений. Всё, что мы здесь сделали, — это соглашение между людьми, которые хотят жить дальше без суда. Если юрист у кого-то из вас увидит в тексте риск — вы вправе не подписывать, и это будет правильным решением, а не недоверием ко мне. Подписывая, вы говорите, что текст вас устраивает.»

СТОРОНА А: «Меня устраивает. Я три недели читала этот текст и думала. Мне важно, что здесь написано, что он перестраивался. Это для меня было главным, и ради этого я согласилась на девяносто тысяч вместо ста девяноста.»

СТОРОНА Б: «И для меня главное, что я не подписываю признание вины и что у меня не будет регресса. Ради этого я согласился на девяносто тысяч и на четыре платежа. Если эти два условия выполняются — я готов.»

МЕДИАТОР: «Тогда мы подписываем. Один экземпляр вам, один — мне. Я оставляю свой для архива процедуры, и, если позже понадобится, я смогу подтвердить, как шёл процесс, если кто-то из вас обратится за консультацией.»

[Подписание. Стороны обмениваются экземплярами.]

МЕДИАТОР: «Теперь несколько практических шагов, чтобы соглашение действительно исполнилось. Первое: реквизиты. Лариса, ваш счёт — дубль. Пришлите Артёму и мне сегодня, до девяти вечера, потому что первый перевод — в течение пятнадцати дней, но лучше в первый же рабочий день.»

СТОРОНА А: «Пришлю.»

МЕДИАТОР: «Второе: после каждого перевода Артём присылает подтверждение, вы его сохраняете. Не фото экрана, а именно подтверждение из банка. Третье: вы оба ведёте общий чат только по этому делу — дата, сумма, назначение, подтверждение. Чтобы через полгода не спорить, помнит ли кто-то о деталях. Четвёртое: через месяц, после второго платежа, я спрошу у каждого, как идёт, — не для контроля, а чтобы вы не забыли про график. Если по какой-то причине платёж смещается — пишите сразу обеим.»

СТОРОНА Б: «Хорошо.»

СТОРОНА А: «Хорошо.»

МЕДИАТОР: «И пятое, вне соглашения, но важное. Артём, вы обещали сообщение в родительском чате. Можете прислать текст мне на проверку до отправки, я посмотрю, чтобы там действительно было нейтрально, без слова «виноват». Лариса, вы обещаете то же самое.»

СТОРОНА А: «Пришлю свой текст тоже.»

МЕДИАТОР: «Отлично. На этом мы расходимся, и я желаю вам обоим одного: чтобы это было единственное ДТП в вашей жизни. Мне не придётся делать то, что я делала шесть недель, — не давать вам оценок чужой вины, не считать износ, не переписывать формулировки по кругу. Спасибо за работу. Это было сложное дело, и вы оба были к нему готовы.»

[Процедура завершена: соглашение подписано, экземпляры распределены, реквизиты и порядок подтверждения платежей согласованы, срок следующего контроля установлен, обязательство по нейтральному сообщению в чате зафиксировано.]

Часть III. Разбор дела

Почему это дело пошло так

Дело началось с несоответствия двух цифр: страховая выплатила 148 000 рублей, независимая экспертиза оценила ремонт в 213 400. Клиент воспринял разницу в 65 400 рублей как недобросовестность страховой, хотя это в пределах закона: ОСАГО возмещает вред с учётом износа, а полная стоимость восстановления — предмет ответственности причинителя вреда. Параллельно существовал второй, неденежный конфликт. Пострадавшая нуждалась не только в сумме, но и в том, чтобы её имя перестало быть именем виноватого: запись в протоколе о несоблюдении дистанции была сказана ею самой на месте под влиянием ситуации, но в документах выглядела как признание. Ответчик, в свою очередь, был убеждён, что отсутствие признания вины защищает его, и строил всю переговорную позицию на формуле «закрыть вопрос без бумаг». Обе стороны были фактически правы в своих интересах и обе исходили из неверной модели: пострадавшая — что разницу доплатит страховая, ответчик — что отсутствие признания равно отсутствию рисков. Медиация оказалась продуктивной именно потому, что позволила перейти с языка вины на язык последствий: не «кто виноват», а «какие последствия остались у каждого и как мы их закрываем».

Разведение фактов и оценок как главный инструмент

Третья встреча дала этому делу больше, чем любая сумма. Живая таблица фактов — протокол, схема, отсутствие следов торможения, дата выплаты, сумма экспертизы — позволила увидеть две вещи. Первое: обе версии о вине не имеют документального подтверждения, и при этом обе версии содержали по одному фактическому зерну: пострадавшая действительно стояла, ответчик действительно не видел её выезда. Второе, важнее: обе стороны сами отказались от своих категоричных версий. Ответчик перешёл от «она выехала» к «я не видел, как она выезжала, я видел её уже близко», пострадавшая признала, что её запись в протоколе не соответствует её воспоминаниям. Это не уступка, это смена предмета: как только выяснилось, что доказать маневр другой стороны нечем, вопрос вины перестал быть предметом торга и стал фактом. Медиатору полезно помнить, что слова «признание» и «факт» клиент воспринимает по-разному, и что формулировка «причиной стал маневр перестроения» для пострадавшей равносильна признанию, а для ответчика — описанию механики, которое в суде работает в его пользу. Обе стороны получили то, чего хотели, из одной формулировки.

Регресс как настоящий мотив ответчика

Самый сильный ход на шестой встрече — разговор о том, чего на самом деле боится Артём. Он выстроил непризнание вины как защиту от репутационных потерь, полагая, что любая запись о ДТП закроет ему КАСКО. Но нераспределённая вина — это открытый вопрос для его собственной страховой: выплата по его полису сделана, а отвечать за неё некому, и компания может предъявить ему регрессное требование как к лицу, виновным не признанному. Иными словами, его главный защитный механизм был одновременно его главным риском. Когда медиатор переформулировал его интерес с «не признавать вину» на «не получить регресс», конструкция стала приемлемой: признание обстоятельств манёвра в соглашении с потерпевшим закрывает вопрос об ответственности перед потерпевшим и снимает основание для регресса, а формулировка при этом не содержит слова «виновен». Это и есть тот случай, когда медиация даёт результат, недостижимый ни жалобой, ни претензией: стороны не обмениваются уступками по очереди, а меняют предмет спора целиком. Отдельно медиатор настояла на письменном заключении юриста по трём вопросам о регрессе и на обещании не подписывать соглашение до получения этих ответов.

Деньги: как делили 90 000 и почему не 109 800

Числа в этом деле не были приговором заранее. Разница между выплатой и ремонтом в 65 400 рублей осталась нетронутой обеими сторонами как бесспорная величина: она вытекала из двух документов и не была предметом спора о методике. Спор шёл вокруг трёх периферийных позиций, и именно на них стороны разошлись. Утрата товарной стоимости в 24 800 рублей вызывала сомнение у ответчика из-за множественности методик расчёта — решение было не спором о сумме, а совместным письмом эксперту с вопросом о диапазоне. Аренда подменной машины в 19 600 рублей за одиннадцать дней была разделена на части: пять дней ушли на ожидание запчасти, шесть — на очередь покраски, и это была не вина пострадавшей. Отказ от части суммы был предложен ею самой и оказался самым убедительным жестом за весь процесс: он снял у ответчика главный аргумент против любой выплаты. Моральный вред в размере 40 000 был переведён в компенсацию за неудобства — не из уступчивости, а потому что формулировка о нравоучении уязвима в суде и трудна в исполнении. Итог 90 000 рублей вместо 109 800 получился не уступкой одной стороны, а пересборкой предмета: 65 400 — быстрым платежом и без риска, остальное — гибкой частью с понятным графиком. Ключевой приём — не навязывать справедливость, а дать сторонам увидеть, что за справедливостью стоит.

Реализуемость и риски: на чём держится договорённость и где она могла сломаться

Итоговое соглашение выживет не потому, что стороны были в восторге, а потому, что на каждом шаге проверялась исполнимость. Проверено: откуда берутся сорок тысяч в первые пятнадцать дней, и это оказалось возможно только при условии отложенного ремонта и обращения к матери, — то есть без этой проверки первый платёж был бы сорван в первый же месяц, и всё соглашение рассыпалось бы, оставив обе стороны с худшим вариантом. Проверено: способ, реквизиты, назначение платежа, пять переводов с датами, фиксированные суммы без формулировок «сколько получится». Проверено: что происходит при просрочке (неустойка 0,1 процента в день, но не более 10 процентов от суммы просроченного платежа, отказ от претензий с отсрочкой до полной оплаты, право на взыскание остатка) — и, что важнее, разобрано, что просрочка для ответчика стоит не только денег, но и проигрыша позиции в суде, где у него теперь будет документ с признанием манёвра. Проверено и то, что обычно забывают: непредвиденные обстоятельства не отменяют обязательства, но пересматривают его по-человечески, при условии немедленного уведомления. Отдельно проработан сценарий, когда юрист ответчика не примет формулировку: подписание отложено до его заключения, правки вносятся в течение одного дня, срок подписания ограничен десятью днями, чтобы процесс не остыл. Риск первый и самый очевидный — репутационный. Сведения о ДТП уже разошлись по родительскому чату, и требование конфиденциальности стало не пожеланием, а условием продолжения переговоров. Риск второй — формулировка про маневр: она была и краем, на котором стояло всё соглашение, и предметом возражения с обеих сторон. Ответчик в какой-то момент мог заблокировать сделку, а пострадавшая — отказаться подписывать без неё. Риск третий — наивный пересчёт ущерба: если бы медиатор начал спорить с экспертом о методике износа, разговор ушёл бы в тупик, где обе стороны чувствуют себя обманутыми, а сделка не заключается. Риск четвёртый — подписание без отложенных условий отказа от претензий: пострадавшая получила бы деньги и сохранила бы право на иск. Риск пятый — отсутствие юридической проверки: медиация в этом деле была координатором, а не заменой юристу, и обе стороны это понимали. Риск шестой, неочевидный, — срыв сроков после подписания: именно здесь урегулирование чаще всего умирает, и именно поэтому в процедуре были заложены напоминания, общий чат по делу, проверка реквизитов в первый день и контакт после второго платежа.

Инструменты и выводы для практики

Первое: разводите факты и оценки письменно — таблица фактов с источниками снимает половину эмоций и даёт обеим сторонам общую опору. Второе: ищите мотив, а не позицию. Позиция ответчика была «не признавать вину», мотив — «не потерять КАСКО и репутацию», а третий, неосознанный мотив — риск регресса, который он считал отсутствующим. Переформулировка интереса открыла конструкцию, которой не было видно из позиции. Третье: помогайте сторонам делить спорное на части — так снимаются завышенные суммы и моральные вреды. Четвёртое: проверяйте исполнимость до подписания, а не после. Пятое: не берите на себя правовую квалификацию; направляйте спорные правовые вопросы юристу письменно и ждите ответа — в этом деле именно это превратило риск в опору. Шестое: заключение должно быть простым настолько, чтобы стороны могли пересказать его своими словами. После шести встреч обе стороны пересказывали его одинаково и одинаково понимали, что подписывают. И седьмое, самое неочевидное: в этом деле соглашение работало не потому, что было выгодно обеим, а потому, что в нём не осталось ни одной строки, которую нужно угадывать. Восемь строк, пять платежей, две даты, одна неустойка — и четырнадцать недель разбирательства, которые того стоили.

Оговорка

Методичка отражает требования Гражданского кодекса РФ, Жилищного кодекса РФ, Трудового кодекса РФ, Гражданского процессуального кодекса РФ и Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», а также сложившуюся практику. Материал носит методический характер и не является юридической консультацией по конкретному делу. Перед подготовкой текстов конкретных соглашений необходимо сверяться с актуальной редакцией закона и с практикой конкретного суда.